

ЦИУНЧУК РУСТЕМ АРКАДЬЕВИЧ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Специальность 23.00.01 – теория политики, история и методология
политической науки (по историческим наукам)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Работа выполнена на кафедре истории, политологии и права
Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Казанский государственный финансово-
экономический институт»

Официальные оппоненты: **Ананьич Борис Васильевич** – доктор исторических наук, академик РАН, Санкт-Петербург
Комиссаренко Аркадий Иванович – доктор исторических наук, профессор, Москва
Мухаметшин Рафик Мухаметшевич – доктор политических наук, Казань

Ведущая организация: Казанский государственный технический университет им. А.Н.Туполева

Защита диссертации состоится «___»_____2004 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д212.081.17. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Казанском государственном университете по адресу: 420008, г.Казань, ул. Кремлевская,18.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (420008, г. Казань, ул. Кремлевская,18)

Автореферат разослан «___»_____2004 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
профессор

/Г.П.Мягков/

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования вытекает из потребностей современного развития исторической науки и обусловлена необходимостью переосмыслить некоторые аспекты рассматриваемой проблемы с учетом неидеологизированного видения истории отечественной государственности и многонационального российского общества начала XX века.

Изучение истории российского общества, модернизационных и реформаторских процессов в стране в XIX – XXI вв. предполагает осмысление судеб комплекса демократических идей, которые пробиваются в российскую социально-экономическую и политическую жизнь уже более двухсот лет и составляют теоретико-практическое достояние отечественной и мировой общественно-политической мысли. В экономике и политике – это установки на рыночное хозяйство и конкуренцию, на разделение властей и парламентаризм, в этнополитической сфере – это идеи и принципы равноправия и самоопределения народов, нашедшие отражение в Конституции Российской Федерации и в основополагающих документах ООН. Как показала практика многих стран, именно эти идеи позволяют формировать гибкий механизм политического взаимодействия власти и общества, достаточно эффективно организовывать и регулировать межнациональную жизнь, понижать уровни конфликтности социума, в том числе и на этноконфессиональном уровне. «Эффективная национальная политика – это еще и искусство согласования интересов и формирование подлинно федеративных отношений, ставших на сегодня стратегическим фактором государственного строительства»¹, – подчеркивается современными исследователями национального вопроса в России.

Российская империя конца XIX – начала XX века представляла собой сообщество, которое может быть отображено в виде уникальной сложносоставной, по своему динамичной системы «центр-регионы». Ее отличала известная национально-конфессиональная и региональная асимметрия, проявлявшаяся в том числе в заметной тенденции к многовариантности политико-административного статуса различных регионов, свойственной унитарному российскому государству конца XIX – начала XX вв. Наряду с губерниями, областями, округами существовали генерал-губернаторства, наместничество, а также автономное Великое княжество Финляндское (со своей конституцией, политико-правовой и денежно-финансовой системами).

---

¹ Михайлов В. Предисловие // Национальная политика России: история и современность. – М., 1997. – С.3.

Нерусские народы, составлявшие свыше половины населения Российской империи, проживали, в основном, на периферии государства (Финляндия, Прибалтика, Польша, Белоруссия, Украина, Бессарабия, Крым, Кавказ, Средняя Азия, Казахстан). По переписи 1897 года русских в составе населения империи было более 55,6 млн. человек, украинцев – 22,3 млн., поляков – около 8 млн., белорусов – около 5,9 млн., далее шли евреи (5 млн.), казахи и киргизы (4,3 млн.), финны (2,6 млн.), татары (2,2 млн.), немцы (1,8 млн.), узбеки (1,7 млн.), литовцы (1,7 млн.), азербайджанцы (1,5 млн.), свыше миллиона человек насчитывали грузины, башкиры, латыши, армяне, молдаване, мордва, эстонцы². Официальная идеология под этнонимом русские стремилась объединить великороссов, белорусов и украинцев («малороссов»), доводя таким образом суммарную численность русских до 83,8 млн. человек, т.е. до 65,5% населения Российской империи.

Более важной, чем национальная общность, признавалась в Российской империи конфессиональная принадлежность. Господствующим вероисповеданием, пользовавшимся государственным покровительством, являлось православие, к которому принадлежало 69,4% населения империи. В конфессиональном измерении среди нерусских народов выделялись мусульмане (свыше 11% населения), католики (более 9%), иудеи (более 4%), лютеране (около 3%), а также армяно-григориане, буддисты и другие, составляя в общей сложности почти 30% населения страны (без Финляндии, Бухары и Хивы). Многие нерусские народы были законодательно ограничены в своем национальном развитии. К концу XIX – началу XX века под влиянием демографических и социально-экономических процессов постепенно изменялась этноконфессиональная картина, заметно росла экономическая, культурная и политическая активность многих народов. В политической жизни важное место занимал «инородческий вопрос», как на уровне всего социума и его национального обустройства, так и в диверсифицированном виде: здесь он «распадался» на польский, остзейский, еврейский, финляндский, украинский, мусульманский и ряд других подобных вопросов, что придавало «особенную остроту проблемам поддержания целостности империи»³.

Российская система «центр-регионы» заметно усложнилась и получила новые измерения в связи с провозглашенными Манифестом 17 октября 1905 года правами и свободами, созданием в 1906 году первого общеимперского выборного представительного учреждения – Государственной думы, а также с преобразованием Государственного совета и созданием объединенного Совета Министров. С 1906 года Государственная дума и

---

² Народы России. Энциклопедия.– М., 1994.– С.25.

³ Кэмпбелл Е.И. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения проблемы // Исторические записки. 4 (122).–М., 2001.– С.132.

Государственный совет стали новыми компонентами обновляющейся политической системы, делавшей первые шаги в направлении конституционного государства с представительной формой правления.

Широкий и объективный взгляд на проблему формирования думской модели парламентаризма в Российской империи (и ее этноконфессиональной и региональной составляющих) предполагает ее изучение в трех проявлениях: как концепции народного представительства в многонациональной империи; как основы развития национальных партийно-политических движений; как динамичного политического института.

Уже первые шаги российского парламентаризма оформляли новую политическую топографию власти, что открывало новые возможности перед регионами и народами империи: получить выборное этническое и региональное представительство в общеимперском парламенте; легально презентовать в ходе предвыборной борьбы и в самой Думе национальные требования; создать и структурировать национальные и региональные политические организации; оформить национально-региональные фракции в Думе; формировать новые национальные политические элиты; развивать политическую культуру общества и национальное самосознание; распространять демократические идеи национального самоопределения и регионального самоуправления.

С появлением Государственной думы политическая жизнь страны обретает новые черты, связанные с фиксированным представительством губерний и областей и с возможностью законного вхождения в Думу представителей различных народов и конфессий. Думский фактор стал наиболее значительным для становления национальной составляющей многопартийности, а появление легальной возможности и необходимости борьбы за представительство заметно динамизировало национальную партийно-политическую жизнь. Благодаря деятельности политических партий, легальной трибуной для которых стала Государственная дума, появилась возможность более полного отражения в политической жизни общенациональных и национальных интересов и субинтересов.⁴ Дума стала тем местом, где “встретились” все национальные вопросы империи, а у депутатов, посланных народами, появилась надежда на разрешение хотя бы части проблем реформирования политической системы, национально-государственного устройства и этноконфессиональных отношений.

Анализ развития думской модели парламентаризма в Российской империи в 1906-1917 гг. выводит на осмысление трех ключевых

---

⁴ См.: Кулешов С.В. Национальные партии и национальные интересы (К постановке проблемы) // История национальных политических партий России.– М., 1997.– С.291.

положений: во-первых, о сосуществовании в отечественной политической жизни не только авторитарной, централистской, унитарной, но и демократической, федералистской, регионалистской тенденций (и соответствующих традиций); во-вторых, о циклическом взаимодействии и сочетании этих тенденций в разные периоды в различных конфигурациях; в-третьих, об опасности (в дискурсе "уроков истории") разрыва и противопоставления идей социально-экономических реформ идеям парламентаризма и демократизации этноконфессиональной и региональной жизни.

Появившаяся возможность отражения этноконфессиональных и региональных интересов в народном представительстве между тем не встретила понимания власти, не привела к поиску компромисса. Государственная дума практически сразу после своего появления и до последних дней своего существования была ареной политического противостояния имперского и национального, с чем вынуждена была столкнуться и власть, которая так и не сумела дать внятного ответа на "этнорегиональный" вызов времени. Посредством деформаций избирательной системы после 3 июня 1907 года и нараставшим вмешательством власти в выборы в представительном органе сформировалось лояльное ей социально-политическое и национально-конфессиональное большинство, которое, однако, оказалось неспособным адекватно презентовать общественные и национальные интересы огромной страны и активизировать социально-экономические, политические, этноконфессиональные и региональные преобразования, обеспечить их системность и последовательность.

Тем не менее, Государственная дума Российской империи стала политической площадкой, где происходило формирование и идентификация новых национальных и региональных элит. Думская выборная процедура при всех своих недостатках все же обеспечивала пополнение оппозиционной "контрэлиты", ее формальную легитимизацию, способствовала освоению ею новых форм политической деятельности. Участие в Думе позволило многим членам национальных фракций раскрыть свои качества политических организаторов и лидеров. Среди восьми депутатов – членов всех четырех Дум России – семь представляли многонациональные губернии и области империи: трое – Царство Польское (Я. Гарусевич, А. Парчевский, В. Яронский), двое – Кубанскую и Донскую области (К.Л. Бардиж, В.А. Харламов), А.К. Демянович – Бессарабскую губернию, К.-М.Б. Тевкелев – Уфимскую губернию. Формирующаяся национальная элита самореализовалась не только в национальных обществах и партиях, но и в думских национальных фракциях, в законодательной деятельности, а позже в государствах и местных правительствах, возникавших на национальных окраинах бывшей Российской империи. В Польше – это премьер-министр В.Грabsки и член правительства Р.Дмовски, в Латвии – президент Я.Чаксте

и премьер-министр П.Юрашевскис, в Литве – министр П.Леонас, в Эстонии – премьер-министр Я.Тынниссон, в Белоруссии – член Рады Белорусской Народной Республики Р.Скирмунт, позднее – член Сената Польши, в Грузии – руководитель правительства Н.П.Жордания, министры А.И.Чхенкели, И.Г.Церетели, в Азербайджане – председатель парламента А.–М.А.Топчибашев, премьер-министр Ф.И.Хан-Хойский и др. Думец С.Н.Максудов был одним из организаторов и руководителей Национального Собрания мусульман внутренней России и Сибири (Миллэт Меджлиси) и председателем его исполнительного органа (Милли Идаре), после эмиграции в Турцию стал депутатом Великого национального собрания Турции и профессором Стамбульского университета. Депутатами Миллет Меджлиси были также Х.М.Атласов, С.С.Джантюрин и К.Г.Хасанов. А.Букейханов, А.Беремжанов и М.Тынышпаев были среди идеологов и организаторов Алаш-Орды.

Переосмысление ценностной системы координат «думской имперской» эпохи и самого этнополитического опыта оборванного эксперимента, связанного с формированием отечественной модели парламентаризма, опыта парламентской презентации этноконфессиональных интересов, попыток законодательного их отражения в политической системе, актуализируется, во-первых, в связи с необходимостью преодоления схематизма и упрощенчества, каковыми отмечены исторические образы "имперской" Думы; во-вторых, с более полным изучением комплекса этноконфессиональных и региональных проблем Российской империи с учетом реальной истории Государственной думы; в-третьих, с возможностью привлечения «перводумского» опыта для развития современного российского парламентаризма и национально-региональных отношений в Российской Федерации, а также в других государствах – бывших республиках СССР.

Объектом исследования является место и роль Государственной думы в политической системе Российской империи как полиэтнического и многоконфессионального сообщества начала XX века.

Предметом исследования являются этноконфессиональные и региональные компоненты в думской модели избирательной системы и в политической деятельности I – IV Государственных дум.

Территориальные рамки исследования охватывают, во-первых, более 20 многонациональных губерний (из 51 губернии и области Европейской части России), во-вторых, губернии, области, округа окраинных регионов – Царства Польского (10 губерний), Кавказского наместничества (6 губерний, 7 областей и округов), Сибири (4 губернии и 4 области) с представительством в I-IV Думах и, в-третьих, 9 областей Казахстана и Средней Азии, имевших право избирать депутатов лишь в I и II Думы.

Хронологические рамки исследования охватывают в целом период деятельности Государственной думы в 1906-1917 гг., нижняя граница

исследования несколько расширяется в связи с освещением предыстории создания народного представительства в Российской империи и зарождения национальных партий и движений.

Целью настоящего исследования является историко-политический анализ этнических, конфессиональных и региональных проблем, отразившихся в конструировании, формировании и деятельности Государственной думы Российской империи.

Исходя из цели исследования выделено несколько взаимосвязанных задач, разрешение которых позволяет ликвидировать пробелы в историографии проблемы, получить более глубокое представление о российских этнополитических процессах и их отражении в Государственной думе:

- дать аналитический обзор отечественной и зарубежной литературы и источниковой базы по исследуемой проблеме;
- проследить процесс конструирования имперской властью этнорегиональных компонентов в думской модели избирательной системы, показать законодательное закрепление региональной и национальной асимметрии в нормах формирования думского представительства;
- охарактеризовать политические установки национальных партий по проблемам реформирования политической системы, национально-государственного устройства и этноконфессиональных отношений;
- определить этноконфессиональную и региональную составляющие в первых выборных кампаниях и в политической мобилизации национального электората;
- проанализировать общие итоги выборов в Государственную думу в многонациональных губерниях и областях в региональном и этноконфессиональном ракурсах, выявить динамику изменения национального состава депутатского корпуса Государственной думы;
- рассмотреть политическую презентацию национальными фракциями и депутатами от регионов этноконфессиональных и региональных интересов в контексте думского противостояния имперской власти и многонационального общества;
- охарактеризовать борьбу за этническое и конфессиональное равноправие в процессе думского законотворчества и в думской политической жизни.

Методологическая основа исследования определяется своеобразием цели и основных задач исследования, междисциплинарным характером изучаемой проблемы, введением в научный оборот источников, ранее не обследованных фронтально и использовавшихся лишь избирательно.

В диссертационном исследовании реализованы принципы объективности, всесторонности, многофакторности и историзма. Разнообразие политических идей, отразившихся в думской жизни, определяет использование в работе принципов диалогизма и полифонии.

Для обработки и анализа эмпирической базы применены различные элементы исследовательских методов: сравнительно-сопоставительного (при анализе этноконфессиональных процессов в различных частях империи), системного (Российская империя как система «центр-регионы»), нормативно-правового, функционального и структурного (для анализа думской избирательной системы и законодательства в этноконфессиональном и региональном ракурсах), а также методов ретроспективной реконструкции (правительственного моделирования избирательного законодательства), типологизации (национально-конфессионально-региональных думских фракций). Для обработки данных о нормах представительства от отдельных регионов, о ходе и результатах избирательных кампаний, о депутатском корпусе в этноконфессиональном и региональном измерениях применены также элементы статистического анализа. В связи с междисциплинарной постановкой исследовательской проблемы привлечен методологический инструментарий теории модернизации, конфликтологических теорий, ситуационного анализа и других.

Научная новизна исследования вытекает как из самой постановки проблемы, так и из ее содержания. Новизна определяется также комплексным анализом развития взаимосвязанных и взаимообусловленных этноконфессиональных и региональных процессов в первом российском парламенте – Государственной думе. Впервые выделены этноконфессиональный и региональный компоненты в конструировании думской модели избирательной системы, в выборных кампаниях в Государственную думу и в мобилизации национального электората, в динамике изменения национального состава депутатского корпуса, в предвыборных платформах национальных партий и в деятельности думских национальных фракций, в политической борьбе в Думе за этническое и религиозное равноправие. Введен в научный оборот значительный фактический материал по исследуемой проблеме, определенная часть которого представлена в авторских подсчетах, таблицах и в электронной базе данных обо всех депутатах I–IV Дум. Проведенное исследование выводит на обобщенное видение этноконфессиональных и региональных отношений в Российской империи в целом.

Практическая значимость диссертации. Основные положения и выводы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов и учебных пособий по истории России. Данные, полученные в ходе исследования, можно использовать при разработке и преподавании курсов и спецкурсов по истории Российской империи, истории национального вопроса в России и истории российского парламентаризма.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования отражены в выступлениях и докладах на международных конференциях и научных семинарах в России, США, Испании (на XVII Международном

конгрессе историков), Польше, Украине, Белоруссии, Австрии. Основное содержание исследования представлено в публикациях автора, в том числе в монографиях и статьях по теме диссертации в количестве более 50 работ общим объемом около 75 п.л. и в 10 статьях в Татарском энциклопедическом словаре и Татарской энциклопедии (Т.1). Некоторые положения работы легли в основу авторских разделов в коллективных учебных пособиях «Федерализм: проблемы формирования» (Казань-Москва, 1997) и по истории западной окраины Российской империи (сдано в печать).

Структура диссертационного сочинения построена по проблемному принципу, что позволяет выделить этноконфессиональный и региональный аспекты из совокупности всех направлений деятельности Государственной думы. Работа состоит из введения, пяти глав (в первой, четвертой и пятой главах выделено по два параграфа), заключения, списка источников и литературы, приложения (четыре таблицы).

Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяются объект, предмет и хронологические рамки исследования, сформулированы цель и задачи исследования, обозначены его методологические основы, научная новизна и практическая значимость.

В первой главе **«Изучение истории российского парламентаризма начала XX века в этноконфессиональном и региональном измерениях: общие проблемы»** представлена историография думской истории, а также подвергнута анализу мобилизованная в работе источниковая база по теме исследования.

1.1. *Историография.* Изучение проблемы этноконфессионального и регионального измерений думской истории имеет своеобразную историографическую традицию, в которой представлены как изучение общих проблем деятельности Государственной думы, так и разработка вопросов о национальных компонентах думской модели российского парламентаризма. Некоторые историографические итоги исследования думской тематики были подведены к середине 1980-х гг. в работах Е.Д. Черменского, Н.Е. Козицкого, Д.А. Колесниченко, В.В. Шелохаева, А.Д. Степанского, В.А. Муравьева, В.М. Шевырина и других исследователей⁵.

---

⁵ Черменский Е.Д. I и II Государственные думы. Историографический очерк // Актуальные проблемы советской историографии первой российской революции. – М., 1985; Козицкий Н.Е. Некоторые вопросы историографии тактики «левого блока» в первой русской революции // Вопросы общественных наук. Вып. 34. Вопросы историографии и источниковедения. –

В 1990-е гг. выходят работы, посвященные отечественной историографии думской проблематики, базирующиеся на анализе как литературы предшествующих лет, так и новейших публикаций⁶.

Историография проблемы отчетливо распадается на три периода: 1905-1917 гг., 1920-80-е гг., 1990-2000-е гг.

Характерными особенностями историографического периода 1905-1917 гг. являются следующие: 1) многочисленность публикаций (до полутысячи наименований); 2) основной пик публикаций пришелся на 1905-1906 гг. (научно-популярные работы о думском законодательстве и литература, освещающая перводумские выборы и деятельность I Думы)⁷; 3)

Киев. 1978; Колесниченко Д.А. Трудовая группа в период первой русской революции в освещении советской историографии // История и историки. Историографический ежегодник. 1971. – М., 1973; она же. Вопросы парламентской тактики рабочего класса в период первой российской революции 1905-1907 гг. в освещении советской историографии // История и историки: историографический ежегодник. 1980. – М., 1984; Шелохаев В.В. Либеральный лагерь накануне и в годы первой русской революции в освещении советской историографии // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. – М., 1985; Степанский А.Д. Советская историография внутренней политики царизма в 1905-1907 гг. // там же; Муравьев В.А. Современная историография революции 1905-1907 гг. – М., 1985; Шевырин В.М. Революция 1905-1907 гг. (Обзор современной литературы). – М., 1985; Циунчук Р.А. От имени пролетариата: историография истории большевистской думской тактики в 1905-1907 гг. – Казань. 1989 и др.

⁶ Крижановский В.П. Большевики и парламентаризм в России: историография проблемы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Киев. 1991; Циунчук Р.А. Государственная дума в российском политическом процессе: проблемы историографии // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 186-196; он же. Российский парламентаризм начала XX века в отечественной историографии // Историки в поиске новых смыслов. Сб. науч. статей. – Казань, 2003. – С.339-347; Садинов В.С. Государственная дума России (1906-1917 гг.): историография проблемы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2001 и др.

⁷ Алексеев В.П. Первый русский парламент.– М., 1906; Водовозов В.В. Избирательное право в Европе и в России.– СПб., 1906; Варшавский С.И. Жизнь и труды Первой Государственной думы.– М., 1907; Герье В.И. Первая русская Государственная дума: Политические воззрения и тактика ее членов. Изд. 2-е. – М., 1906; Цитрон А. 72 дня первого русского парламента.– СПб., 1906; Шлихтер А. Государственная дума и ее роль в освободительном движении.– СПб., 1906 и др.

в содержательном смысле эта литература начинала отражать складывающиеся черты думской фракционной многопартийности⁸; 4) история деятельности Думы рассматривалась в связи с насущными проблемами российского социума, но лишь в немногих работах она сочеталась с обобщениями политического характера⁹. Что же касается собственно национального и вероисповедального вопросов в Думе, то эта сторона деятельности российского парламента чаще затрагивалась в статьях самих депутатов¹⁰. К истории национальных движений и проблемам федерализма обращались политические мыслители, правоведы, в меньшей степени – историки¹¹. Количество работ, специально касающихся

---

⁸ Орловский П. [Воровский В.В.] Кадеты в Думе.– СПб., 1906; Залевский К. Польские буржуазные партии и Польское коло во II Государственной думе // Образование. 1907. №6. – С.23-37; Петровский А.И. Донские депутаты во II Государственной думе.– СПб., 1907; Мусульманская парламентская фракция. б.м. [1907]; Капустин М.Я. Речи казанского октябриста.– Казань, 1907; Юрский Г. Правые в Третьей Государственной думе.– Харьков. 1912 и др.

⁹ Первая Государственная дума: сб. статей. Вып. I. Политическое значение Первой думы; Вып. II. Законодательная работа; Вып. III. Аграрная реформа и продовольственное дело. – СПб., 1907.

¹⁰ Ледницкий А. Национальный вопрос в Государственной думе // Первая Государственная дума. Вып. I. Политическое значение первой Думы. – СПб., 1907.–С.154-167; Гредескул Н. Проект закона о равноправии // Там же. Вып. II.–С.111-141; Бородин Н.А. Личный состав первой Государственной думы, ее организация и статистические сведения о членах // Там же. Вып. I.–С.11-39; Каменский П.В. Вероисповедальные и церковные вопросы в Государственной думе третьего созыва и отношение к ним «Союза 17 октября».– М., 1909; Гредескул Н. Национальный вопрос в первой Думе // К 10-летию 1-ой Государственной думы. Сб. статей переводумцев. – Пг., 1916.–С.76-88.

¹¹ Кокошкин Ф.Ф. О правах национальностей и децентрализации.– М., 1906; он же. Областная автономия и единство России.– М., 1906; Корф С.А. Федерализм.– СПб., 1908; Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. – Юрьев, 1912; Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. / Под ред. А.И.Кастелянского.– СПб., 1910; Ленин Н.[В.И.Ульянов] Государственная дума и социал-демократическая тактика // Государственная дума и социал-демократия – [СПб; 1906]; он же Критические заметки по национальному вопросу // Просвещение. 1913. №10-12; Дан Ф. Общая политика правительства и изменения в государственной организации в период 1905-1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX-го века. / Под ред. Л.Мартова, П.Маслова и А.Потресова. –

этноконфессиональной составляющей думской деятельности, относительно невелико: в начале XX века общественное сознание воспринимало все кризисные явления через призму социально-экономического и политического противостояния. Этнополитические проблемы, по общему правилу, ставили те авторы, которые были непосредственно связаны с национальными движениями.

В советский период развития исторической науки (1920-1980-е гг.) думская тематика изучалась весьма неравномерно и фрагментарно. Начиная с работ А.Н.Слепкова и С.Г.Томсинского, подготовленных в первой половине 1920-х годов, складывалась тенденция приоритетного классово-партийного освещения думской жизни, и возобладали идеологические установки, допускавшие освещение национального вопроса в Думе лишь в контексте пролетарской борьбы против самодержавия и буржуазии. Однако необходимость создания обобщающих общесоюзных исследований по истории XX века все же вывела в 1930-1960-х годах на подготовку монографий по думской проблематике¹² и работ по отдельным национально-региональным сюжетам думской деятельности (освещавшимся в кандидатских диссертациях)¹³.

Научный интерес к изучению думской проблематики наступил с 1970-80-х годов. Историко-правовые аспекты деятельности Государственной думы, ее место в политической структуре власти охарактеризованы в работах Н.И.Васильевой, Г.Б.Гальперина, А.И.Королева, А.М.Давидовича, Н.П.Ерошкина, А.Д.Степанского. Проблемы истории Государственной думы в контексте правительственной политики рассматривались в монографиях А.Я.Авреха, В.С.Дякина, Е.Д.Черменского, Ю.Б.Соловьева, в

СПб., 1911. Т.IV. Ч. I. Кн.6.– С.279-392; Ч.II, кн.7.1-148; Залевский К. Национальные движения // Там же. Т.IV. Ч.II, кн.7.– С.151-243; Залевский К. Национальные партии в России // Там же. Т.III. Кн.5.– С.225-344.

¹² Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг.– М.-Л., 1939; Павлов М.Б. Думская тактика большевиков в революции 1905-1907 гг. – М.-Л., 1947; Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы.– М., 1962.

¹³ Герман Г.А. Выборы во II Государственную думу на Украине. Автореф. дисс....канд. ист. наук. – М., 1950; Кузнецов Н.Д. Третья Государственная дума и национальная политика царизма на Кавказе. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. – М., 1951; Египко А.П. Национальный вопрос в III Государственной думе (столыпинский план выделения Холмщины из Польши). Автореф. дисс....канд. ист. наук.– М., 1948 и др. (однако в этих диссертациях национальные партии и представители в Думах обычно трактовались как проводники буржуазных, контрреволюционных и соглашательских идей).

обобщающем коллективном труде «Кризис самодержавия в России. 1895-1917» (Л., 1984). Думские сюжеты разрабатывались в посвященных истории оппозиционных партий исследованиях В.В.Шелохаева, К.В.Гусева, Н.Ф.Ерофеева, Д.А.Колесниченко, Б.В.Леванова, Г.И.Зайчикова, О.Н.Знаменского и В.А.Шишкина, Ю.И.Кочетова, Л.Я.Цехновичера, Т.Ю.Бурмистрова и В.С.Гусакова исследовали постановку национального вопроса в программах и тактике политических партий. Обстоятельные работы, посвященные выборам и общественно-политической борьбе вокруг Думы, появились на Украине, в Белоруссии, Латвии¹⁴, публиковалось значительное количество статей, характеризовавших проведение большевистской думской тактики в многонациональных регионах страны (Украина, Прибалтика, Кавказ, Казахстан, Киргизстан, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток). В центре внимания исследователей находились вопросы классовой борьбы в регионах в думский период, а этническая составляющая проблемы либо отсутствовала, либо прослеживалась крайне слабо.

Новый этап развития отечественной исторической науки обозначился на рубеже 1980 – 1990-х годов, когда развернулся процесс преодоления идеологического и методологического монолизма. Исследователи обратились к переосмыслению всего комплекса общих думских проблем, выделяя истоки и становление российской парламентской традиции, место Государственной думы в политической системе, опыт функционирования первого народного представительства, социокультурный облик депутатов, партийно-фракционное строительство¹⁵. Думские сюжеты подробнее, чем

---

¹⁴ Мартюхова М.А. На переломе революции: Общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной думы в России (август 1905- июль 1906 г.). – Минск, 1986; Попик В.И. Политическая борьба на Украине вокруг выборов в III Государственную думу.– Киев, 1989; Шалда В.А., Удре А.В. Социал-демократия Латвии и Государственная дума, 1905-1917.– Рига, 1988.

¹⁵ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. – СПб., 1991; Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты. 1906–1917. – Пермь, 1995; Селунская Н.Б., Бородин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века. – М., 1996; Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. – М., 1996; Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907. – М., 1996; Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. – М., 1998; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе.– М., 1998; Кошкидько В.Г. Представительская власть в России: формирование и

раньше, вписываются в монографии по истории политических партий (В.В.Шелохаев, В.Н.Селецкий, М.И.Леонов, А.В.Сыпченко, С.В.Тютюкин, С.А.Степанов, Д.А.Коцюбинский, Ю.И.Кириянов). Особое значение для современного изучения политической жизни на рубеже XIX–XX вв. имел выход энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – начало XX века» (М., 1996). Возрос интерес к истории национальных партий¹⁶. В коллективной монографии «Власть и реформы. От самодержавной к советской России» прослеживается не только сложный путь создания и существования Думы, но и место национального вопроса в думской политике П.А.Столыпина, когда премьер в последние два года жизни «больше разыгрывает националистическую, чем реформаторскую карту»¹⁷. Национальный вопрос во внутренней политике царизма на рубеже веков подробно проанализировал в своих статьях и монографии В.С.Дякин¹⁸. Все более обстоятельно освещается место конфессиональных проблем в общественно-политической жизни России¹⁹.

С середины 1990-х годов тема «Национальный вопрос и Государственная дума» начинает результативно исследоваться в двух взаимосвязанных ракурсах: в общеимперском – законотворчество по национальному вопросу в Думе, этноконфессиональный состав Думы и ее фракций, обсуждение комплекса национальных, религиозных и региональных проблем в Думе, и в локальном – выборы в отдельных национальных регионах, деятельность местных депутатов и отдельных этноконфессиональных групп и фракций в Думе.

функционирование (1905-1907).– М., 2000; Малышева О.Г. Думская монархия: рождение, становление, крах.– М., 2001; Лукоянов И.В. У истоков российского парламентаризма.– СПб., 2001 и др.

¹⁶ История национальных политических партий России. Материалы международной конференции – М., 1997; Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX – 1917 г.). Сб. документов. Вып.1-2.– М., 1996.

¹⁷ Власть и реформы. От самодержавной к советской России /Отв. ред. Ананьич Б.В.– СПб., 1996.– С. 612.

¹⁸ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX века) // Вопросы истории. 1996. №11-12.– С.39-53; он же. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX- начало XX века) /Подгот. И.В.Лукоянов.– СПб., 1998.

¹⁹ Православная церковь в истории России.– М.,1991; Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана).– Казань, 2003; Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения.– Казань, 1994 и др.

Привлекает внимание современных исследователей практика думского законоотворчества по национальному вопросу. В монографии В.Ю.Зорина, С.В.Кулешова, Д.А.Аманжоловой «Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законоотворчества» обобщен «почти столетний опыт работы законодательных структур в Российской империи, СССР и Российской Федерации»²⁰ в области регулирования межнациональных отношений.

Характеризуя литературу, исследующую локальный ракурс думской проблематики, необходимо заметить, что сегодня в России наиболее активно разрабатывается история двух думских фракций – мусульманской²¹ и казачьей²². В работах М.В.Братолобовой прослеживается участие казаков в выборной кампании, парламентские дискуссии по казачьему вопросу. В книге «Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906-1917)» Д.М.Усманова показала, что при рассмотрении наиболее значимых для мусульман вопросов –

---

²⁰ Зорин В.Ю., Кулешов С.В., Аманжолова Д.А. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законоотворчества.– М., 1999.– С.6.

²¹ Циунчук Р.А. Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной думе России 1906–1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века).– М., 1997; Хабутдинов А.Ю. Невостребованное наследие. Мусульманская фракция в Государственной думе: Миф и реальность. // Казань. – 1998. №7-8. – С.28-33; Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сб. документов и материалов. / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа, 1998; Исхаков С.М. Мусульманский либерализм в России в начале XX века // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы.– М., 1999; Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы “свободы совести” в Государственной думе России (1906–1917). – Казань, 1999; Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний).– Уфа, 2002 и др.

²² Братолобова М.В.. Социологический портрет казачьих депутатов Государственной думы России(1906-1917 гг.) // "Рубикон". Сб. научных работ молодых ученых РГУ. Вып.20. – Ростов-на-Дону, 2002; Братолобова М.В., Перехов Я.А. Казачий вопрос в I и II Государственных думах России // Казачий сборник. Вып.3.– Ростов-на-Дону, 2002; Галутво Л.М. Парламентская деятельность кубанских казаков: история и современность // Проблемы казачьего возрождения.– Ростов-на-Дону, 1996; Карапетян Л.А.Кубанское казачество и Государственная дума четырех созывов начала XX в. // Кубанское казачество: три века исторического пути.– Краснодар, 1996 и др.

религиозного законодательства, проблем национального образования, переселенческой политики и положения национальных окраин, вопроса о праздничных днях и др. – Мусульманская фракция действовала сплоченно²³. Намети́лась тенденция к специальному изучению выборов и представительства в Думе крупных российских регионов – Сибири и Урала.

В отдельное направление в рамках думской тематики выделились историко-биографические исследования о национальных депутатах²⁴. Если в советский период это направление затрагивало лишь рабочих депутатов или членов социал-демократических фракций, то теперь выходят очерки о депутатах-кадетах, трудовиках, членах Мусульманской фракции.

В последние годы отмечается всплеск научного интереса к изучению Российской империи как отечественными учеными²⁵, так и зарубежными исследователями²⁶. В рамках "имперской" проблематики выделяются

²³ Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы “свободы совести” в Государственной думе России (1906–1917). – Казань, 1999.–С.123-124.

²⁴ Усманова Д. Из рода Алкиных // Татарстан. – 1993. № 12. – С.35-42; Алишев С. Хади Атласи // Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты. – Казань, 2000.– С.130-139; Гаффарова Ф. Садри Максуди // Там же.– С.147-154; Таиров Н. Дальнейшая судьба Ибниамина Ахтямова // Гасырлар авызы - Эхо веков. – 2000. №3-4. –С.239-243; Ямаева Л. Уфимские депутаты России – отец и сын Сыртлановы // Экономика и управление. – 2001. №3; см. также: Усманова Д.М. Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России, 1906-1917. – Казань, 2002 и др.

²⁵ Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет.– М., 1996; Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века).– М., 1997 (статьи А.В.Ремнева и П.И.Савельева, Д.Бурбанк, Е.А.Правиловой, Л.Е.Горизонтова, И.Н.Новиковой, Н.Ф.Тагировой, Е.И.Воробьевой и др.); Национальная политика России: история и современность. – М., 1997; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления.– М., 1998; Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Сер. межрегиональные исследования в общественных науках. Вып.3 – М., 2001; Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. – М., 2001 и др.

²⁶ Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung. Geschichte. Zerfall. – München, 1992; Cohen A. Russian Imperialism: Development and Crisis. – L., 1996; Kazan, Moscow, St.Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire. Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. – М., 1997; Hosking G. Russia: People and Empire. 1552-1917.– Cambridge, 1997; After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: the Soviet Union

исследования польского, украинского и мусульманского вопросов²⁷. В России начинает разрабатываться история Польского коло в Думе²⁸.

Локализация исследований думской тактики имеет сильные стороны, поскольку позволяет опереться на фронтальный отбор источников и подробнее рассматривать как местные выборы, так и деятельность депутатов Думы от регионов.

Наиболее заметными в думской зарубежной историографии стали монографии А.Левина, М.Шефтеля, Дж.Хоскинга, Т.Эммонса, Дж.Токмакова²⁹. В фокусе исследований зарубежных ученых находится история национальных фракций, действовавших в Думе (Польское коло, польско-литовско-белорусская группа, Украинская громада, литовская группа и др.). С 1960-70-х гг. разрабатывалась история Польского коло и польского вопроса в Думе³⁰. Проблемы думской истории изучаются в

and Russian, Ottoman, and Habsburg Empires. – Boulder–Oxford, 1997; Imperial Russia: New Histories for Empire./ Ed. By J.Burbank, D.Rancel.– Bloomington, 1998; Becker S. Russia and the Concept of Empire // *Ab Imperio*. – 2000. № 3-4. – С.329-342 и др.

²⁷ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше.– М., 1999; Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении. (Вторая половина XIX века).– СПб., 2000; Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX - начало XX века). –М., 2003; Кэмпбелл Е.И. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения проблемы // *Исторические записки*. 4 (122).– М., 2001. – С.132-157 и др.

²⁸ Павельева Т.Ю. Польская фракция в Государственной думе 1906-1914 гг. // *Вопросы истории*. – 2000. №3.– С. 111 – 120, а также: Голубев С.А. Правые и либеральные политические партии и польский вопрос (1905 – февраль 1917). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1993.

²⁹ Levin A. The Second Duma: A Study of Social-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment. – New Haven, 1940 (Hamden, 1966); Levin A.The Third Duma: Election and Profile. – Hamden,1973; Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institutions of Duma Monarchy. – Bruxelles, 1976; Hosking G. The Russian Constitutional Experiment. Government and Duma. 1907-1917. – Cambridge, 1973; Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. –Cambridge–L., 1983; Tokmakoff G. P.A.Stolypin and the Third Duma. – Washington, 1982 и др.

³⁰ Werzchowski M. Sprawy Polski w III i IV Dumie Państwowej. –Warszawa, 1966; Lukawski Z. Koło polskie w rosyjskiej Dumie państwowej w latach 1906-1909. –Wrocław, 1967; Chmielewski E. The Polish Question in the Russian State Duma. – Knoxville, 1970; биографии польских депутатов Думы собраны в

Литве³¹, в Белоруссии³², на Украине³³, в Казахстане³⁴, в Азербайджане³⁵. Весьма ценными для исследования выборных кампаний в Белоруссии, Литве, на Украине представляются работы А.Ф.Смоленчука, осветившего участие польских депутатов в думской группе западных окраин, и М.Ш.Киян, которая рассмотрела выборы и деятельность депутатов от украинских губерний в I и II Думах.

В 40-80-х гг. думские проблемы становятся предметом исследования в докторских диссертациях (Е.Д. Черменского, Ф.И. Калинычева, Ю.И.Кочетова, Г.И. Зайчикова, Л.Я. Цехновичера). В последние годы количество докторских диссертаций по думской истории сравнительно невелико (работы В.Г. Кошкидько³⁶, О.Г. Малышевой³⁷, Магомедсултанов И.И.³⁸, О.Ю. Рыбка³⁹, Д.М. Усмановой⁴⁰), их проблематика актуальна, им

кн.: Brzoza C., Stepan K. Posłowie polscy w parlamencie rosyjskim 1906-1917. Słownik biograficzny.– Warszawa, 2001.

³¹ Staliūnas D. Rinkimai I Rusijos Dūmą Lietuvoje // Lietuvos Istorijos Metraštis. 1992 metai. –Vilnius, 1994.– P.45-65; Ląukaitytė R. Lietuviai Valstybės Dūmoje // Lietuvos Istorijos Metraštis. 1992 metai.– Vilnius, 1994.– P.31-44.

³² Забаўскі М.М., Пуцік У.С. Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906-1917 гг.). – Мінск, 1998; Забаўскі М.М. Расійская Дзяржаўная Дума ў грамадско-палітычным жыцці Беларусі 1906-1917 гг.– Мінск, 1999; Смалянчук А.Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905-1907 гг.– Гародня, 2000; он же. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі Рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864-1917 гг.– Гродна, 2001 и др.

³³ Киян М.Ш. Представительство от украинских губерний в Государственной думе Российской империи I и II созывов (1906-1907 гг.).– Харьков, 1997.

³⁴ Кожихметов Г.З. Представительство и участие народов Туркестана и Казахстана в Государственной думе // Изв. АН Каз.ССР.Сер. общ. наук. – Алма-Аты, 1990. №2.– С.78-84; Озганбай О. Государственная дума России и Казахстан (1905-1917). – Алма-Аты, 2000.

³⁵ Саид-Заде С. Азербайджанские депутаты в Государственной думе. – Баку, 1991.

³⁶ Кошкидько В.Г. Формирование и функционирование представительной власти в России, 1904-1907 гг.: Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2000.

³⁷ Малышева О.Г. Государственная дума в системе власти Российской империи. Автореф. дисс... докт. ист. наук. – М., 2001.

³⁸ Магомедсултанов И.И. Возникновение, становление и развитие парламентаризма в России. Автореф. дисс... докт. ист. наук. – Махачкала, 2001.

присущи новаторский подход и расширение источниковой базы исследований. С 1990-х гг. думская национальная проблематика становится предметом серьезного исследования в кандидатских диссертациях как в России⁴¹, так и в ближнем зарубежье⁴².

Таким образом, в целом исследователями проделана значительная работа, особенно по общим проблемам думской истории, в последнее время наметился большой интерес к национальному вопросу в Думе, в локальном ракурсе изучаются выборы на окраинах империи и деятельность национальных депутатов Думы. Думскую проблематику вряд ли можно считать досконально изученной, несмотря на то, что число связанных с ней публикаций составляет сегодня свыше 1000 наименований. В современной историографии назрела потребность развивать комплексный подход к разработке проблем истории российского парламентаризма, к изучению Государственной думы Российской империи в этноконфессиональном и региональном измерениях.

1.2 *Источниковая база исследования.* Для написания диссертационного исследования автор привлек широкий круг документальных источников.

Важной группой источников является комплекс официальных документов. Во-первых, думское законодательство – императорские Указы,

³⁹ Рыбка О.Ю. Государственная дума в системе власти России начала XX века. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2001.

⁴⁰ Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Казань, 2004.

⁴¹ Барсуков В.Л. Сибирские депутаты и аграрно-переселенческий вопрос в Государственной думе. 1906-1914 гг. Автореф. дисс.... канд. ист. наук.– Новосибирск, 1990; Бабин В.Г. Проблемы национальной школы в Государственной думе I - IV созывов. Автореф. дисс.... канд. ист. наук.– М., 1996; Вельможко И.Н. Национальный вопрос в деятельности Третьей и Четвертой Государственных дум. Автореф. дисс.... канд. ист. наук.– М., 1998; Зорин В.Ю. Национальный вопрос в Третьей Государственной думе России, 1907-1912 гг. Автореф. дисс. .... канд. ист. наук.– М., 2000.

⁴² Доморослий В.И. Діяльність українських парламентських громад в I і II Державних думах (1906-1907). Автореф. дисс.... канд. іст. наук.– Киев, 1994; Коник О.О. Діяльність селянських депутатів з України в I і II Державних думах. Автореф. дисс. ...канд. іст. наук. – Киев, 1994; Киян М.Ш. Депутаті від українських губерній та міст в Державній думі Російської імперії першого та другого скликання. Автореф. дисс. ... канд. іст. наук.– Харків, 1998; Билокин О.И. Українське питання в Державній думі Російської імперії (1906-1917 рр.). Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. – Харків, 2001 и др.

Манифесты, утвержденные Положения об учреждении Государственной думы и о выборах в Думу (как в губерниях Европейской России, так и на окраинах) и Основные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г., законодательные акты, законопроекты и законопредположения 1906-1916 гг. Во-вторых, это крупный массив стенографических отчетов Думы I-IV созывов. Для обстоятельного раскрытия содержания и динамики этноконфессиональных и региональных процессов значительная часть томов стенографических отчетов подверглась фронтальному обследованию, выборочный просмотр остальных томов позволил выявить разноплановые материалы, посвященные национальному и вероисповедальному вопросам в Думах. Извлеченные из стенографических отчетов материалы использовались при анализе думских дискуссий с участием национальных депутатов, при изучении законотворческого процесса и роли в нем национальных фракций и групп. Информационно насыщены также указатели к стенограммам, содержащие сведения о составе фракций и групп, о национальности, вероисповедании, образовании, роде занятий депутатов, об их думской активности (о членстве в комиссиях и отделах, о выступлениях, голосованиях, подписанных запросах и т.д.) В указатели также включались таблицы движения законопроектов и перечни депутатских запросов.

К отдельной группе официальных думских документов можно отнести двухтомный «Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва», который содержит дополнительные официальные сведения о национальном и вероисповедальном составе этой Думы, о динамике состава национальных фракций, о рассматривавшихся Думой законопроектах, законодательных предположениях, запросах. Материалы и приложения «Обзора» являются ценным источником по этноконфессиональной и региональной думской проблематике. Материалы для воссоздания этноконфессиональной картины выборов в III Государственную думу содержит опубликованный Статистический отчет Особого делопроизводства МВД. Кроме обобщения статистики хода выборов на различных уровнях, отчет содержит подробные комментарии, раскрывающие приемы и методы воздействия на этноконфессиональные результаты выборов через разделение избирательных съездов по национальности и вероисповеданию.

Представляют значительный исследовательский интерес записки, проекты и документы государственных совещаний по выработке думского законодательства, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве в фонде Совещаний, образованных при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях (РГИА, Ф.1544). Сохранившиеся в этом фонде материалы о подготовке Положений о выборах – об обсуждении модификаций представительства от Польши, Кавказа, Туркестана, Сибири, Холмского края и других окраин империи, а также многочисленные ходатайства от различных групп населения и регионов

дают представление о механизме принятия решений и участниках формирования национального, конфессионального и регионального компонентов думской модели избирательной системы. Эти материалы ранее были лишь частично опубликованы и недостаточно введены в научный оборот. Документы, посвященные формированию думской избирательной системы, а также организации выборов в Думу и отношениям правительства с Думой, извлечены из фонда Совета министров (РГИА, Ф.1276).

Для воссоздания региональной и общеимперской картины выборов и предвыборной борьбы исключительный интерес представляют «Материалы по истории выборов в первую Государственную думу, собранные по поручению председателя Совета министров С.Ю.Витте графом В.А.Дмитриевым-Мамоновым» и хранящиеся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ ОР, Ф.1072) и в РГИА (официальный текст в Ф.1276). В 14 томах находятся посвященные выборам и сгруппированные по губерниям вырезки из столичных и местных газет, а также сообщения телеграфных информационных агентств, датированные февралем-апрелем 1906 года. Заключительный, 15-й, том «Материалов» содержит сведения об агитационной деятельности политических партий в период выборов. Этот том можно рассматривать как первую в истории российских выборов итоговую информационно-аналитическую справку. Привлечены также документы личного фонда графа И.И.Толстого (РНБ ОР, Ф.781). Важное значение для характеристики выборов имеют документы из Особого делопроизводства по выборам в Государственную думу (РГИА, Ф.1327). В значительной степени благодаря всем этим источникам перводумская избирательная кампания характеризуется исследователями намного более обстоятельно, чем последующие.

Общие сведения о депутатах от различных регионов, собственноручно заполненные анкеты, материалы об их политической деятельности и фракционной принадлежности в Думе содержат документы фонда Государственной думы (РГИА, Ф.1278). В работе использованы хранящиеся в РГИА документы из Ф.1358 – Петербургское телеграфное агентство и Ф.1470 – Обзоры периодической печати.

Для изучаемой проблемы имеют значение также документы фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, ДП – Ф.102, Трудовая группа – Ф.522). Материалы социал-демократической фракции II Думы, в составе которой были также деятели ряда национальных социал-демократических организаций, представлены в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, Ф.93).

Для освещения этноконфессиональных и региональных процессов в своеобразном многонациональном и поликонфессиональном регионе – Поволжье привлечены материалы из фондов местных архивов – Национального архива Республики Татарстан (Ф.1 – Канцелярия Казанского

губернатора, Ф.199 – Казанское губернское жандармское управление, Ф.350 – Казанское губернское дворянское депутатское собрание, Ф.651 – Чистопольская уездная комиссия по выборам в Государственную думу); Государственного архива Самарской области (Ф.3 – Канцелярия Самарского губернатора, Ф.468 – Самарское губернское жандармское управление); Государственного архива Саратовской области (Ф.1 – Канцелярия Саратовского губернатора); Государственного архива Ульяновской области (Ф.76 – Канцелярия Симбирского губернатора, Ф.855 – Симбирское губернское жандармское управление).

В диссертации использована обширная справочная литература, в том числе сборники биографий депутатов, статистические материалы, энциклопедии, справочные книги, карты.

На основе думских официальных указателей, справочников и энциклопедических изданий автором была составлена электронная база данных на всех депутатов I – IV Думы, эти обобщенные материалы позволили устранить неточности в указании национальности и вероисповедания, фракционной принадлежности отдельных депутатов, а также обрисовать социокультурный облик нерусских депутатов.

Особой группой источников, дающей возможность отследить не только различные концепции народного представительства в России и его этноконфессионального и регионального компонентов, но и проанализировать характерные тенденции, этапы и особенности реализации этноконфессиональных и региональных идей в партийных программах, идейно-политических платформах и предвыборных установках, является массив опубликованных документов национальных партий и движений начала XX века. Дополняют эту группу источников материалы периодической печати.

Важное значение для исследования национального вопроса в думской истории имеют воспоминания видных государственных деятелей (С.Ю.Витте, С.Е.Крыжановского, А.П.Извольского, В.Н.Коковцова и других) и дневниковые записи представителей придворных кругов, которые позволяют восстановить обстановку выработки правительственной политики в отношении Думы, проследить эволюцию этой политики, выявить подробности формулирования избирательных законов для национальных регионов, уточнить детали думского церемониала и процедур⁴³. Мемуары

---

⁴³ Витте С.Ю. Воспоминания. Т.2,3. – М., 1960; Крыжановский С.Е. Воспоминания: Из бумаг С.Е.Крыжановского, последнего статс-секретаря Российской империи. – [Берлин]: Петрополис, [1938]; он же. Заметки русского консерватора // Вопр. истории. – 1997. N2. – С. 115-132; N3. – С. 121-139; N4. – С. 107-126; Извольский А.П. Воспоминания. – М., 1989; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919 гг. В 2-х кн. –

известных политиков (П.Н.Милукова, В.В.Шульгина и других) несут информацию о взаимоотношениях общероссийских партий с национальными фракциями, особенно в период первых Дум⁴⁴, содержат материалы о выборах в западных украинских губерниях и думской борьбе по национальному вопросу⁴⁵. Несмотря на субъективизм и определенную противоречивость, мемуары способствуют более полному раскрытию позиций противоборствующих сил, в том числе по национальному вопросу, позволяют восстанавливать не только детали и подробности избирательных кампаний и думских прений, но и дают представление о политической атмосфере в обществе и настроениях различных социальных групп и политических сил.

Итак, диссертантом были использованы разнообразные многоплановые источники. Комплексный анализ, сопоставление выявленных и использованных материалов и обнаружение неточностей и противоречий в них, попытка преодолеть различные идеологические наслонения и стереотипы позволили сформировать необходимую источниковую базу для выводов и наблюдений, сделанных автором диссертационной работы.

Во второй главе **«Имперская политическая власть и конструирование этнорегиональных компонентов думской модели избирательной системы»** рассмотрены предыстория и история формирования в 1905-1906 гг. этнорегиональной составляющей модели выборов в Государственную думу и достраивание этой модели в соответствии с законом 3 июня 1907 года. С появлением Думы этноконфессиональное и региональное измерения имперских систем «власть-общество», «центр-регионы» начали приобретать новые очертания и содержание, а система выборов в Государственную думу на окраинах стала важным элементом правительственной политики в национальном вопросе. В думской избирательной системе в качестве ключевого выдвинулся вопрос о формировании избирательных округов, об их территории и плотности заселения, об этноконфессиональном и социальном составе населения, о представительстве окраинных регионов и нерусских народов. Необходимость ограничения этого представительства обосновывал еще в

М., 1992; Константин великий князь. Из дневника Константина Романова. [1904-1906] // Красный архив. – 1930. Т.6.– С.92-115; –1931. Т.1.– С.126-151, Т.2.– С.112-129; Святополк-Мирская Е.А. Дневник княгини Е.А. Святополк-Мирской за 1904-1905 гг. // Историч. записки. Т. 77. – М., 1965.–С. 240-293.

⁴⁴ Милуков П.Н. Воспоминания: (1859-1917). Т. 1-2. – М., 1990; он же. Воспоминания.– М., 1991.

⁴⁵ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. – М., 1990; Он же Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны.– М., 2002.

октябре 1905 г. один из главных авторов законопроектов о Думе С.Е.Крыжановский: «В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66% общего количества населения, а чуждые народности достигают 34% <...> Национальная борьба и теперь проявляется у нас в высокой степени, а в ближайшем будущем должна составить вопрос первенствующий, с которым едва ли уже будет связана территориальная целостность империи. Интересы величайшей государственной важности настоятельно требуют поэтому, чтобы голос русского народа, на котором одном держатся и сила государственной власти и самый престол Российских государей, безусловно, господствовал в законосовещательных учреждениях<...>. В Думе может слагаться по вопросам, касающимся инородческих интересов, сильное и неудобное для правительства большинство»⁴⁶.

По Положению о выборах 6 августа 1905 года в члены Думы могли избираться только лица, знающие русский язык. Право представительства получили избиратели практически всех регионов многонациональной империи (кроме так называемых «бродячих инородцев»), однако система выборов начала выстраиваться по «двойному стандарту» – нормативному для 51 губернии и области Европейской России и усеченному – для окраинных губерний и областей (Польши, Кавказа, Казахстана, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока). Правительство решило принять отдельные правила о выборах для каждого из окраинных регионов, заведомо исходя из завышенного количества населения на одного избираемого депутата. Здесь проявилась складывающаяся региональная асимметрия думской избирательной системы. Подготовка региональных правил о выборах сконцентрировалась в 1905-1906 гг. в Особом совещании (граф Д.М.Сольский, разработчик проектов С.Е.Крыжановский и другие). Последние из девяти правил, регулирующих выборы в тех или иных регионах, были обнародованы лишь накануне открытия I Государственной думы, а выборы по некоторым из них так и не были произведены до самого ее роспуска.

Модификация избирательной системы на окраинах имела существенные отличия от общей думской электоральной модели, как в норме представительства, так и в порядке проведения выборов и организации избирательных округов. При усредненной норме представительства от губерний Европейской России в 250 тысяч населения на одного депутата (и при 350 тыс. для окраин), реальные цифры могли отличаться в 6 раз (Олонецкая губерния - 121 тыс. человек на одного депутата и Ферганская область – 786 тыс. человек). Этнорегиональная асимметрия была еще более

---

⁴⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1544. Оп.1. Д.16. Л.76.

заметна в городских округах (при норме представительства в 100 тысяч для избрания одного депутата), где крайние показатели численности населения на одного депутата могли отличаться в 8 раз (Иркутск – 51 тыс. человек на одного депутата и Одесса – почти 404 тыс. человек). Региональные правила давали на Кавказе местной власти право делить губернские избирательные собрания по этноконфессиональному принципу. Здесь же формировались укрупненные округа, включающие в себя несколько административных единиц.

Региональные и этноконфессиональные интересы проявились в потоке поступивших с мест ходатайств перед правительством о выделении дополнительного представительства в Думе, однако удовлетворены были лишь предложения о введении отдельного депутата от православных Люблинской и Седлецкой губерний (инициированное епископом Холмским Евлогием) и об увеличении числа выборщиков от С.-Петербургского уезда.

Итак, этноконфессиональная и этносословная асимметрия выборов закрепилась путем формирования в окраинных многонациональных регионах территориально-этнических (для инородцев азиатской части России), территориально-конфессиональных (для православного населения на востоке Польши) и территориально-сословных (для казаков) избирательных округов. Несмотря на такую асимметричность выборной системы, она все же обеспечивала определенное этноконфессиональное и региональное представительство в общеимперском парламенте. В целом, сконструированная модель перводумской избирательной системы отразила как замысел законодателя создать в Думе мононациональное преобладание, так и его стремление к фиксированному представительству инородцев. Избирательная система неизменно являлась предметом дискуссий в Государственной думе с первых и до последних дней ее существования.

После роспуска I Государственной думы была предпринята вторая попытка сформировать новое, более удобное для власти народное представительство на прежней нормативной базе, она сочеталась с подготовкой изменения избирательного закона, который бы отсек от выборов значительную часть оппозиционного электората, включая избирателей из нерусских народов и населения окраин.

Как известно, закон 3 июня 1907 г. сократил число членов Думы (III-IV созывов) на 82 депутата, с 524 до 442. В Манифесте 3 июня 1907 г. провозглашалось: «...Государственная дума должна быть русской и по духу. Иные народности <...> должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны являться в числе, дающим им возможность быть вершителями вопросов чисто русских. В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы в Государственную думу должны быть временно приостановлены».

Разочаровавшись в первых попытках получить управляемую Думу, правительство дополняет и усиливает политику «двойного стандарта» в отношении избирательной системы: по закону 3 июня 1907 года было лишено представительства население Средней Азии, Казахстана, Якутии и уменьшена численность депутатов от Кавказа и Польши в три раза, а от Сибири – на одну треть.

Вводится практика дробления съездов избирателей на отделения по национальному и вероисповедальному признаку. По нашим подсчетам, они были организованы с санкции Министерства внутренних дел в 25-ти губерниях.

В этих отделениях оказывались изолированными неправославные, нерусские избиратели. В ряде губерний Волго-Уралья на съездах уполномоченных от волостей выделялись либо инородцы, либо татары и башкиры, либо нехристиане, в одном из уездов было организовано отделение для инородцев в составе съезда землевладельцев. Широко применялась практика деления избирательных съездов в западных губерниях. Особые отделения создавались для землевладельцев-поляков, а в городских избирательных собраниях края выделялись отделения для евреев, для поляков, для латышей, к которым в отдельных случаях присоединяли и других нерусских избирателей. В западных губерниях в русские отделения включали православных и неправославных белорусов и украинцев, считая их вместе с великороссами русскими по национальности. Вследствие такого принципа формирования выборщиков депутатами III и IV Дум стало немало «казенного типа мужичков, сидящих на правых скамейках». Распределение выборщиков в губернских избирательных собраниях также изменилось в пользу землевладельцев и состоятельных горожан, что существенно влияло на результаты выборов в ряде многонациональных губерний. Для русского населения окраин были введены специальные квотируемые места от Закавказья, от Виленской, от Ковенской губерний и от Варшавы. Асимметрия избирательной системы еще более усилилась. Она затрудняла презентацию интересов нерусского населения, препятствовала адекватной оценке властью реальной картины сложных межнациональных отношений.

Избирательная система оставалась неизменной вопреки попыткам думских национальных и оппозиционных фракций III и IV Дум восстановить представительство окраин.

Третья глава **«Политическая презентация этнорегиональных и конфессиональных интересов в программах и предвыборных платформах национальных партий и объединений»** посвящена политическим позициям и программным требованиям национальных партий и объединений в области этноконфессиональных отношений. Начало думского периода, совпавшее с ростом национального самосознания нерусских народов, способствовало развитию партийно-политической жизни и становлению многопартийности в национальных регионах империи,

выдвинуло на первый план разработку предвыборных платформ и программ национальных партий. Этноконфессиональное и региональное содержание этого процесса проявились в формировании позиций национальных партий по проблемам реформирования политической системы, национально-государственного устройства и этноконфессиональных отношений.

В связи с манифестами о создании законосовещательной, а затем и законодательной Думы активно заявили о себе польские, литовские, латышские, эстонские, украинские, армянские, грузинские, еврейские и мусульманские политические организации и партии, планировавшие обеспечить себе думское представительство. Преодолев первоначальный бойкотизм, презентовали классово-политическую модель решения этноконфессиональных и региональных проблем национальные социалистические партии. Все более активизировались правомонархические русские организации, выступавшие за сохранение национального неравноправия и основ традиционного политического строя.

Раньше, чем в других частях империи, началось национальное партийное строительство и разработка политических платформ и программ в Царстве Польском и в западных губерниях, затем – на Кавказе, в Прибалтике, в Поволжье и Приуралье. Причем прослеживалось взаимовлияние между национальными движениями не только в смежных регионах, но и в сопредельных странах. Национальный вопрос был наиболее подробно развит в программах польских партий, например, Польской национально-демократической партии, ориентировавшейся на восстановление автономии Польши, а в перспективе – на политическую самостоятельность.

Этноконфессиональные и региональные требования национальных политических партий распадались на две основные политические составляющие: во-первых, на установление национально-конфессионального равноправия и, во-вторых, на достижение автономной организации национальной жизни. Сопоставление национальных требований в предвыборных платформах и этнополитических установках и программах ряда политических партий выводит на все разнообразие форм национальной автономии: от культурно-национальной до областной. Этот сформулированный национальными партиями программный комплекс общеполитических, этноконфессиональных и региональных требований определил характер их предвыборных кампаний, позиции нерусских депутатов и направленность политической деятельности национальных фракций в Государственной думе. Несмотря на изменение политической обстановки в стране после 1907 года, основные этноконфессиональные установки политических программ продолжали влиять на развитие национальной жизни нерусских народов империи и воздействовать в той или иной мере на позиции национальных фракций в Думах третьего и четвертого созывов.

В четвертой главе «**“Инородцы” и “иноверцы” в Государственной думе Российской империи: выборные кампании и динамика национального состава**» анализируется ход и итоги выборных кампаний в многонациональных губерниях и областях Российской империи.

4.1 *Перводумские выборные кампании в окраинных многонациональных регионах (этноконфессиональные и региональные аспекты).* До первых выборов 1906 года народы России не имели легальной возможности представлять на имперском уровне свои интересы. Будучи новым крупным политическим событием в жизни многонациональной страны, перводумская избирательная кампания проходила в условиях подъема политической активности нерусских народов и потребовала от национальных политических организаций выработки избирательной тактики и освоения выборов «технологий». Выборы продемонстрировали применение разнообразных приемов агитационной работы – распространение программ национальных партий и брошюр с их изложением, использование периодической печати и листовок на языках народов России, проведение собраний и лекций. Наиболее организованно и сплоченно прошли выборы в Польше. Практически во всех многонациональных регионах национальные партии и местные кадетские организации сумели консолидироваться, захватить выборную инициативу и мобилизовать национальный электорат. Складывавшиеся в разной конфигурации блоки национальных партий и местных кадетов, также выступавших за этноконфессиональное равноправие, обеспечили им общий крупный успех в большинстве губерний Украины, Прибалтики, Белоруссии, Поволжья, Приуралья. В блоке с кадетами в Думу прошла значительная часть депутатов, представлявших украинский, прибалтийские, мусульманские, кавказские и другие народы. Высокую активность в западных губерниях проявили также блокировавшиеся с кадетами еврейские политические организации, обеспечившие себе довольно заметное представительство.

Перводумская избирательная кампания дала большинству народов России первый политический электоральный опыт. Выборы в I Думу позволили сформировать первый в истории страны депутатский корпус и довольно-таки адекватно отразить в нем этнополитические реалии российского общества. В противовес силовым способам противостояния с властью и разрешения межэтнических конфликтов первые выборы все же переводили эту борьбу в легальное мирное русло, побуждали выборщиков идти на компромиссы и предвыборные соглашения, особенно при определении партийных и национальных кандидатур на губернских и областных избирательных съездах. В I Думу прошли представители 24 народов империи, в ее составе было около двухсот нерусских депутатов.

Выборы во II Думу отделял от перводумских выборов почти год, а во многих национальных регионах и того меньше. Они проходили как бы вслед предшествующей избирательной кампании. Эти выборы вновь

проводились по прежним правилам, что часто оказывалось немаловажным фактором, определявшим этноконфессиональный и политический состав депутатов от многонациональных губерний и областей. Неразрешенные социально-экономические проблемы накладывались на национально-вероисповедальные, что и продемонстрировали ход и результаты выборов. В отличие от первых выборов, правительство начало шире осваивать «технологии» влияния на ход выборов – финансировать консервативные организации и органы печати, поддерживать правых депутатов, устранять неугодных выборщиков и кандидатов. Однако на окраинах империи такая практика дала некоторые результаты лишь в губерниях с заметным влиянием консервативных сил (Бессарабия, Волынь).

На выборах во II Думу национальные политические организации использовали перводумский электоральный опыт, расширили практику политического блокирования (особенно при создании «левого блока» на итоговых этапах выборов). Произошло расширение участия в избирательной кампании национальных политических организаций (в основном левых, ранее бойкотировавших Думу). В ходе выборов кадеты были потеснены левыми партиями, от кадетов дистанцировались национальные союзники, немало нерусских кандидатов примкнуло к левым партиям.

Стабильное политическое влияние в польских губерниях вновь продемонстрировали кандидаты Польской национально-демократической партии. Выборы в Литве и Белоруссии показали ослабление влияния кадетов и их национальных союзников (особенно еврейских политических организаций) и сохранение основных позиций польского общественного движения края. Среди литовских избирателей обозначилось заметное усиление влияния местных социал-демократов. Выборы в белорусских губерниях дали прирост числа беспартийных, а также правых.

На выборах во II Думу в украинских губерниях на фоне заметного усиления левого политического представительства обозначилась общая тенденция к увеличению числа православных депутатов и к некоторому сокращению официально зарегистрированного числа украинцев. Практически во всех западных губерниях было потеряно представительство еврейского населения.

Латышские и эстонские депутаты, примыкавшие к кадетам, сохранили свое преобладание на выборах во II Думу в Остзейском крае, уступив несколько мест представителям национальных социал-демократических организаций. Вновь неудачей окончилась выборная кампания местных немецких политических партий.

Втородумские выборы в Туркестане и Степном крае стали единственной за всю историю Думы избирательной кампанией, проведенной почти до конца. Благодаря этому произошло заметное увеличение численности мусульманских представителей, которые, как и мусульманские депутаты от Поволжья, Приуралья и Кавказа

дистанцировались от кадетов и укрепили отдельную этноконфессиональную Мусульманскую фракцию. Тенденция к консолидации кандидатов-казаков проявилась на выборах в казачьих областях юга и востока России. Большинство русских депутатов от Средней Азии и Казахстана, а также основная часть членов Думы от Сибири принадлежали к левым фракциям. Во II Государственную думу были избраны представители 27 народов, а число нерусских депутатов составило около 190.

Выборы в Государственную думу первых двух созывов создавали ситуацию, при которой в общественную жизнь народов России стало пробивать дорогу новое политическое мышление, складывались новые, электоральные формы политического поведения масс, трансформировалось политическое сознание многонационального общества.

Впервые в качестве весомой альтернативы устаревшей политической самодержавной системе обозначились не только революционные, но и эволюционные формы развития, в связи с этим укреплялось общественное значение выборов, росли общественные ожидания политических перемен. В ходе выборов активно включились в политический процесс национальные политические силы, развернувшие активную агитационную кампанию, нейтрализовать которую власть оказалась не в силах.

4.2 Выборы в III и IV Думы в этноконфессиональном и региональном измерениях, динамика национального состава депутатского корпуса. С введением избирательного закона 3 июня 1907 г. и изменением общеполитической обстановки в стране произошли существенные перемены и в характере избирательных кампаний в национальных регионах страны. Значительная часть национального электората оказалась отсеченной от выборов. Усилилось воздействие власти на ход выборов, в том числе посредством разделения в губерниях Западного края, Поволжья и Приуралья избирательных съездов разных уровней по национальным и (или) вероисповедальным отделениям, что сказалось на результатах выборов в этих регионах.

По результатам выборов в III Думу изменилась национально-конфессиональная и политическая конфигурация представительства большинства национальных регионов. При пяти- или трехкратном уменьшении числа депутатов от многих губерний Царства Польского даже самые многонаселенные из них посылали в Думу только одного представителя. После сокращений польского представительства (по закону 1907 г.) все десять губерний Царства Польского имели в Думе почти столько же депутатских мест, сколько приходилось на две вместе взятые литовские губернии. Это определило резкое сокращение думского польского представительства и численности Польского кола. Ни один польский депутат не смог пройти на выборах на Украине, где в I Думу было избрано несколько представителей польской части местного населения. Среди депутатов от Виленской и Ковенской губерний менее одной трети составили

литовцы и немногим более трети – поляки. Избранные от литовских губерний поляки организовались в Польско-литовско-белорусскую группу, а почти все литовцы входили в левые фракции. Правые кандидаты прошли в Думу от русского населения Варшавы и двух литовских губерний.

На выборах в III Думу вновь проявилась особая значимость этнополитических результатов избирательных кампаний в многонациональных губерниях Белоруссии и Украины, представители которых в Думе занимали более одной трети депутатских мест. Все избранные депутаты в четырех белорусских губерниях, кроме одного поляка-католика, были православными, менее трети составили белорусы, остальные депутаты обозначили себя русскими, почти полную победу одержали правые.

Избирательная кампания в украинских губерниях продемонстрировала выгодные власти изменения как в этноконфессиональном, так и в партийно-политическом составе депутатского корпуса. В девяти украинских губерниях неправославными оказались лишь пять процентов избранных депутатов (они прошли от Екатеринославской и Таврической губерний). По национальности почти три четверти от общего числа депутатов III Думы от Украины были записаны русскими, и лишь пятая часть избранных обозначили себя украинцами. Выборы в III Думу в украинских губерниях отразили общее поправление состава депутатов, причем, если в левобережных украинских губерниях укрепились октябристы, то в правобережных губерниях подавляющее число депутатов принадлежало к правым. Бессарабская губерния сохранила многонациональный состав депутатов и традиционно отдавала предпочтение правым.

В Остзейском крае преимущественно прошли местные немцы-аристократы (две трети депутатов), заметно потеснившие депутатов от латышей и эстонцев, представительство которых в III Думе сократилось почти в три раза. Немецкие депутаты обеспечили победу октябристов в остзейских губерниях.

В результате выборов в Поволжье и Приуралье почти втрое сократилось думское представительство мусульман. Исповедующее ислам население Уфимской и Казанской губерний представляли в III Думе шестеро татар и башкир. Все они вошли в Мусульманскую фракцию. Ведущей политической тенденцией выборов в крае стало практически полное вытеснение левых и укрепление в Казанской губернии октябристов, а в Уфимской – кадетов. От соседних многонациональных губерний Волго-Уралья (Вятская, Саратовская, Симбирская) избранными оказались православные и только русские депутаты.

После сокращения числа депутатов от Кавказа их стало на два человека меньше того числа депутатов, которые представляли соседнюю Область войска Донского. Выборы на Кавказе по новым правилам сократили представительство нерусских народов в три раза и неказачьего населения

Кубанской, Терской областей и Черноморской губернии – в пять раз. Однако политическая ориентация избранных депутатов не изменилась по сравнению с предшествующей Думой (они принадлежали к Мусульманской фракции, социал-демократам, дашнакам, кадетам, прогрессистам). Появился отдельный депутат от русского населения (в Думе – правый). Основную часть казачьих представителей в III Думе составили депутаты от Области войска Донского, где, как и в других казачьих регионах, было заметным влияние кадетов.

Общая картина национально-конфессионального и политического представительства радикально изменилась по сравнению с Думой двух первых созывов. Сократилось до 18 число представленных в III Думе народов, число нерусских депутатов уменьшилось до 108, неправославных среди избранных оказалось 72 депутата. Произошло резкое смещение вправо депутатского корпуса многонациональных регионов (кроме Польши, Литвы, Кавказа, Области войска Донского и Сибири).

Третьеиюньская система выборов дала правительству и правым силам возможность скомпоновать схожий этноконфессиональный состав и в IV Думе. В ходе избирательного процесса, по признанию высших чиновников, «правые могли опираться только на Правительство»⁴⁷. Губернаторы не только должны были, но и могли «провести в Думу исключительно тех, кого они желают»⁴⁸, – заявлял нижегородский губернатор А.Н.Хвостов.

Власти в ущерб инородческому и иноверческому думскому представительству вновь практиковали разделение избирателей по национальным и конфессиональным отделениям. По-прежнему применялся опыт тесного взаимодействия властей и правых организаций, использованный на выборах в III Думу. Наименьшие политические подвижки произошли на выборах в остзейских, литовских и польских губерниях. При почти неизменном этноконфессиональном составе депутатов, избранных от Польши и Литвы, представительство Польского коло и Белорусско-польско-литовской группы сократилось на одну пятую часть. «Квотируемые» места от русского населения края вновь заняли правые; все депутаты-литовцы вошли в оппозиционные фракции, а в остзейских губерниях одну половину депутатов составили немцы-октябристы, другую почти поровну разделили кадеты (в основном, эстонцы) и латыши-прогрессисты.

Прежняя этнополитическая конфигурация повторилась на выборах во всех белорусских и в большинстве украинских губерний. В Белоруссии среди избранных в IV Думу были только православные. В каждой из трех белорусских губерний депутатами стали один-два белоруса, а в четвертой –

⁴⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 37. Л.24об.

⁴⁸ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. Кн.2.– М., 1992.– С.92.

самой западной – Гродненской их вообще не оказалось. Не было ни одного украинца среди депутатов Волынской и Таврической губерний. В остальных пяти украинских губерниях их было лишь по одному депутату. Только в Полтавской губернии украинцы составили до половины депутатов. В итоге вдвое сократилось национальное украинское представительство в Думе, доля украинцев среди депутатов региона снизилась до 13 процентов. Русские националисты и умеренно правые, либо крайне правые победили на выборах в губерниях правобережной Украины. На юге Левобережья (в Таврической губернии) полностью утратили свои позиции октябристы при увеличении представительства оппозиционных партий. В остальных губерниях левобережной Украины сохранилось представительство октябристов (преобладающее лишь в одной – Полтавской губернии), но при некотором росте численности депутатов-правых. Крайне правые вновь победили на выборах и в многонациональной Бессарабской губернии, где среди депутатов были представлены почти поровну русские и молдаване.

В Поволжье и на Урале в ходе выборов в IV Думу вновь сократилось представительство нерусских народов. В Казанской губернии со значительным мусульманским населением не было избрано в депутаты ни одного татарина. А в соседней, Уфимской, губернии число мусульманских депутатов-татар сократилось до трех, оказалось непредставленным в Думе башкирское население.

Характерное для Кавказа соотношение этноконфессиональных и политических сил на выборах в IV Думу почти не изменилось. Избиратели региона вновь проголосовали за оппозиционных власти национальных и казачьих депутатов. По два места принадлежало социал-демократам и Мусульманской фракции, прогрессистам. Были избраны три кадет и трудовик. Социал-демократом оказался и депутат от русского населения Закавказья.

На фоне резкого поправления состава депутатов во многих окраинных регионах на выборах в Сибири и в областях с казачьим населением все места получили оппозиционные депутаты: половина избранных депутатов от Сибири была кадетами, треть – трудовиками. В регионах с казачьим населением победили кадеты, остальные места от этих избирательных округов достались главным образом прогрессистам.

Итак, в ходе выборов в IV Думу в окраинных многонациональных регионах усилились проявившиеся ранее этнополитические тенденции. Во многих белорусских и украинских губерниях численность депутатов, записавшихся украинцами и белорусами, сократилась до одного-двух. Здесь вновь победили сторонники правых партий. Лишь выборы в Сибири и в областях с казачьим населением продемонстрировали упрочение влияния оппозиционных сил. В Царстве Польском и прибалтийских губерниях, на Кавказе, в Бессарабии в основном сохранился прежний этнополитический баланс. В целом, произошло еще более заметное, чем в III Думе,

сокращение нерусского представительства. Хотя число представленных в IV Думе народов увеличилось с 18 (как это было в III Думе) до 20, общее число нерусских депутатов сократилось до 81, а неправославных оказалось 55 депутатов.

Динамика изменений этноконфессионального состава Дум четырех созывов отражала, во-первых, практику ограничения представительства нерусских народов окраин, во-вторых, - стремление властей обеспечить проправительственное думское большинство. В общем списке членов Думы четырех созывов значатся депутаты 35 национальностей, но лишь 14 народов из них стали «думскими» (представленными во всех четырех Думах): русские, украинцы, поляки, белорусы, евреи, татары, немцы, литовцы, азербайджанцы, грузины, латыши, армяне, молдаване и эстонцы. Общая доля нерусских депутатов сократилась с 41 % в I Думе до 18 % в IV Думе. В IV Думе количество и численность большинства этнических групп уменьшились до крайних показателей по сравнению с первым и вторым думскими созывами. Численность азербайджанцев в IV Думе по сравнению с I Думой снизилась в 6 раз, украинцев и евреев – более чем в 4 раза, поляков и латышей – в 3 раза, белорусов, литовцев, грузин, эстонцев – в 2 раза. Почти втрое сократилась также численность татар и вдвое – армян (в IV Думе по сравнению со II Думой). В Думах всех четырех созывов были представлены 7 основных конфессиональных групп империи – православные, старообрядцы, католики, лютеране, армяно-григориане, иудеи и мусульмане. Другие вероисповедания представлены в одном-двух созывах Думы. Православные составляли от 74,8% в I Думе до 87,6% в IV Думе. В последней, IV Государственной думе представительство нескольких крупных конфессий резко сократилось. Так, процент католиков в IV Думе был ниже, чем их доля в населении империи в два раза, старообрядцев и иудеев – в четыре с половиной раза, мусульман – в семь раз. Такой национальный и конфессиональный состав препятствовал выявлению реальной картины этноконфессиональных процессов в империи, существенно затруднял как презентацию интересов народов на общероссийском уровне, так и поиск способов разрешения этнических и религиозных противоречий и конфликтов.

В пятой главе **«Национально-конфессиональные и региональные вопросы в Государственных думах: противостояние власти и общества»** рассматривается борьба за национальное и конфессиональное равноправие в процессе законотворчества и в ходе обсуждения правительственных деклараций, думских запросов, заявлений национальных фракций и групп депутатов от регионов.

5.1. Презентация этноконфессиональных требований в I и II Думах: начало парламентской борьбы за национальное и религиозное равноправие. Этнополитический фактор динамично проявился в двух главных сегментах думской модели парламентаризма – в выборных кампаниях и в

законотворческой деятельности Государственной думы. В институциональных компонентах I-IV Дум заметное место заняли национальные фракции и группы. Национально-конфессионально-региональные думские фракции не были однородными и образовывались по нескольким признакам и принципам: этнотерриториальным (Польское коло, Украинская громада, латышская, литовская, эстонская группы и др.), этноконфессиональным (Мусульманская фракция), этносословным (Казачья группа), региональным (группа западных окраин – Польско-литовско-белорусская группа, Сибирская группа). Совместная деятельность нерусских депутатов I Думы способствовала их интеграции в многонациональный Союз автономистов на основе общности требований национального равноправия и реальной децентрализации в стране. Наибольшее число национальных групп (в том числе официально незарегистрированных) было в I и II Думах. Уже во II Думе обозначилась тенденция перехода от двойного членства (в общероссийской фракции и национальной группе) к фиксированному членству только в национальной фракции.

Этноконфессиональные и региональные проблемы прозвучали уже в самом начале непродолжительной работы I Государственной думы (27 апреля – 8 июля 1906 г.). «Дума народного гнева» устами депутатов из различных регионов обличала этноконфессиональное неравенство, национальные притеснения, репрессии и подняла вопрос о политической и конфессиональной амнистии. Наиболее активная из национальных фракций – Польское коло уже 30 апреля 1906 года обратилось к Думе с предложением бороться «за наши права и общую свободу» и за восстановление автономии Царства Польского «как заветного требования всего населения нашего края»⁴⁹. Идеи автономии и самоуправления прозвучали в выступлениях депутатов-автономистов от западных губерний. 111 членов Думы внесли законопроект о гражданском равенстве. При обсуждении законопроекта уфимский депутат Ш.Ш.Сыртланов отстаивал национально-конфессиональные требования, заявляя, что «у нас в России нет равноправия по отношению к мусульманам»⁵⁰. Национальные фракции Думы стремились координировать деятельность сторонников проведения эволюционных преобразований политической и культурной жизни нерусских народов, способствовали нарастанию национального общественно-оппозиционного движения в России. Правительство фактически проигнорировало поставленные депутатами I Думы

---

⁴⁹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. – СПб., 1906. Т.1.– С.51.

⁵⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. – СПб., 1906. Т.2.– С.1107.

этноконфессиональные и региональные вопросы. Вместе с другими оппозиционными депутатами многие деятели национальных фракций, подписавшие Выборгское воззвание, были лишены права избираться в Думу.

Во II Думе (20 февраля – 2 июня 1907 г.) противостояли друг другу два потока законопроектов, касающихся национального и регионального обустройства жизни России: правительственный – ограниченный по направленности и узкий по содержанию (снятие части национально-вероисповедальных проблем) и думско-оппозиционный, предлагавший реальную демократизацию национальных отношений, установление национального и религиозного равноправия, предоставление автономии Польше, расширение регионального и местного самоуправления, отмену ограничений на использование национальных языков. Значительную активность по внесению законодательных предположений проявило во II Думе Польское коло, возглавленное одним из лидеров Польской национально-демократической партии Р.Дмовским.

Национальные депутаты продолжили во II Думе политическую борьбу за этническое и религиозное равноправие, против народофобии и религиозной нетерпимости. Одной из форм этой борьбы были многочисленные депутатские запросы. В апреле 1907 года Мусульманская фракция сделала два запроса о событиях в Бирском и Белебеевском уездах, где урядники и стражники отбирали и уничтожали религиозные книги на арабском, а в ответ на возмущение жителей применили оружие, причем в каждом из уездов были убитые и раненые⁵¹.

Членами национальных фракций (Польское коло, Мусульманская фракция), представителями Прибалтики, Белоруссии, Украины, Кавказа и других регионов было поддержано внесение в мае 1907 г. проекта основных положений об отмене ограничений в политических и гражданских правах, связанных с национальностью и вероисповеданием.

Заявляя в Думе о необходимости проведения принципов веротерпимости, новый Председатель Правительства П.А.Столыпин при этом подчеркивал, что «православная церковь, как господствующая, пользуется <...> особою со стороны государства охраною»⁵².

Обсуждение девяти правительственных законопроектов по преобразованию отдельных сторон конфессиональной жизни старообрядцев и нерусских народов, внесенных во II Думу, растянулось на долгие годы и перешло в Думы следующих созывов, что заметно усиливало напряженность в этноконфессиональной сфере. Законодательная реализация

⁵¹ РГИА. Ф.1278. Оп.1.1907. II созыв. Д.1251.Л.3-3об.; Д.1252. Л.4.

⁵² Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. – СПб., 1907. Т.1. – Стб., 108.

внесенных во II Государственную думу, как общественных законопроектов, так и этих правительственных предложений могла бы динамизировать развитие этнополитической жизни, устранить наиболее явные анахронизмы в национально-религиозной сфере.

При обсуждении аграрного вопроса, как и в I Думе, активно выступали представители национальных регионов. Депутатами от Эстляндии и Литвы были внесены региональные аграрные законопроекты.

II Государственной думе и правительству не удалось установить диалог по этноконфессиональным и региональным проблемам. «Противоречия между составом палаты и властью, – вспоминал товарищ Министра внутренних дел С.Е. Крыжановский, – повелительно указывали единственный возможный выход – изменить избирательный закон, разгрузить Думу от социалистов и кадетов и усилить ее умеренное крыло»⁵³. Преобразование перводумской избирательной системы, усиление в ней ограничений этнорегионального представительства на основе закона 3 июня 1907 г. позволили власти временно создать иллюзию управляемости в имперской системе «центр-регионы», а на деле способствовали стагнации всего политического режима, особенно в этнорегиональном аспекте.

5.2. Этноконфессиональные и региональные проблемы в III – IV Государственных думах: противоборство имперского и национального. В Государственной думе III созыва (1 ноября 1907 г. – 9 июня 1912 г.) произошло резкое сокращение общей численности депутатов, представляющих нерусские народы. Действовали только три думские национальные фракции: Польское коло, Польско-литовско-белорусская группа, Мусульманская фракция, причем каждая из них численно сократилась. Однако в дебатах в период Третьей думы этноконфессиональные и региональные проблемы поднимались столь же часто, как и в Думах предшествующих созывов. В стенах III Думы остро звучали требования по польскому, финляндскому, литовскому, еврейскому, мусульманскому, кавказскому и другим инородческим вопросам.

В III Думе членам национальных и оппозиционных фракций теперь постоянно противостояли активисты численно усилившихся правых фракций (заметную часть которых составили депутаты, вытеснившие на выборах в ряде многонациональных окраинных губерний оппозиционных нерусских депутатов). Среди правых выделились деятели, постоянно провоцировавшие скандалы в Думе, разжигая национальную рознь.

Чтобы быть услышанными в этих условиях, национальные фракции вырабатывали новую тактику. Они использовали обсуждение вопросов и законопроектов, ставящихся правительством и крупными фракциями, для выступлений со своей позицией, стремились вносить больше предложений,

---

⁵³ Крыжановский С.Е. Воспоминания... – С.117.

поправок, запросов. При проведении в жизнь этой тактики от членов национальных фракций потребовалась большая политическая активность и организованность, которую проявляли, прежде всего, лидеры фракций и опытные политики – депутаты Дум предшествующих созывов. Национальные фракции должны были блокироваться между собой, а также с другими оппозиционными группами как при голосованиях по обсуждаемым проектам законов, так и при выдвижении своих законодательных предположений (об изменениях положения о выборах в Думу, о введении земского самоуправления в различных регионах, об учреждении землеустроительных комиссий в степных областях и Туркестане и др.).

Законопроекты, затрагивавшие положение нерусских народов и порядки в окраинных регионах империи, предложенные в III Думе правительством, отражали имперское видение национальных вопросов. Такими были законы 1910-1911 гг., ограничивающие автономию Великого княжества Финляндского. В сферу регулирования общеимперским законодательством попадали все сколько-нибудь значимые стороны жизни Финляндии.

В III Думе правительство не пошло навстречу лидерам Польского коло, которые были готовы наладить диалог на основе более умеренных требований по польскому вопросу, но с переносом решения многих дел из центра на места. По мнению П.А.Столыпина, основным условием реформ должна быть приверженность «русским национальным началам». Он утверждал, что децентрализация может идти только от избытка сил, а ее требуют в «минуту слабости<...>, ее хотят вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать<...> центр с окраинами, тогда конечно правительство ответит: “нет”<...> Вот сплотитесь общенациональным цементом и тогда, господа, требуйте от нас децентрализации»⁵⁴.

Правительство проявило жесткость: в Думу был внесен и благодаря поддержке проправительственных фракций проведен комплекс законопроектов, ущемлявших интересы польского населения. В их числе были проекты изменения порядка пополнения состава Государственного совета выборными от западных губерний и введения земства в шести западных губерниях (со сложным делением на польскую и русскую избирательные курии с преимуществами для последней). Антипольским был и законопроект о выделении из состава Люблинской и Седлецкой губерний новой Холмской губернии, которая изымалась из состава Царства Польского и становилась внутренней губернией империи. Польские депутаты и представители оппозиционных фракций подвергали всесторонней критике эти законопроекты, а правые требовали усиления антипольской направленности законопроектов. Единственным внесенным в III Думу

---

⁵⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. – СПб., 1908. Ч.1. – Стб. 353-354, 352.

законопроектом, содержавшим некоторые уступки полякам, был проект преобразования управления городов в Польше.

В думской полемике правые постоянно обращались к еврейской теме. Законодательной попыткой кадетской оппозиции и национальных фракций противостоять этому курсу явился проект закона об отмене ограничений для евреев в местожительстве и передвижении (так и оставшийся в комиссии).

Политическая реакция в период III Думы проявилась также в том, что когда попытки отвлечения общества на польский и еврейский вопросы, по выражению казанского депутата С.Н.Максудова, как бы уже «выдохлись», стал создаваться новый, так называемый мусульманский вопрос и возникала тема некой панисламистской угрозы⁵⁵. Мусульманская фракция активно выступала против такой политики.

Нерусские депутаты последовательно выступали за национальное и религиозное равноправие при обсуждении общеимперских законопроектов (по народному образованию, о местном суде, о выходных днях торговых служащих, по бюджету, сметам и др.), в названиях которых национальные вопросы прямо не упоминались. Кавказский депутат И.И.Гайдаров заявлял, что «не надо забывать, что половина населения Российской империи состоит из инородцев и иноверцев» и «всякие притеснения, всякие угнетения все болезненнее и болезненнее отражаются на них»⁵⁶.

Положение десятков миллионов подданных Российской империи прямо затрагивали вновь попавшие в III Думу законопроекты по вероисповедальным вопросам (прежде всего о переходе из одного вероисповедания в другое). Этот закон, как и два закона о старообрядцах, принятые Думой, встретили возражения Государственного совета и после заключения согласительных комиссий Думы и Госсовета по ним, рассмотрены Думой не были. Большинство остальных вероисповедальных законов осталось нерассмотренными. III Думе так и не было суждено осуществить даже скромную программу вероисповедальных преобразований.

Противоборство имперского и национального в III Думе заключалось в том, что были отвергнуты законодательные предложения оппозиции, и голос большинства народов России стал слабее слышен в Думе, а многих и вообще лишили права голоса. Главным проявлением имперской политики стали проведенные через Думу правительственные законопроекты, которые урезали права Финляндии и польских губерний, имевшиеся к началу XX века. Тем не менее, в депутатском корпусе III Государственной думы, единственной проработавшей полный срок, продолжали формироваться

---

⁵⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. – СПб., 1911. Ч.2. – Стб. 2936-2937.

⁵⁶ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. – СПб., 1911. Ч.4. – Стб. 2020-2019.

навыки парламентской культуры, а по отдельным этнорегиональным вопросам – и поиска компромиссных решений.

С открытием IV Думы (15 ноября 1912 г. – 25 февраля 1917 г.) правительством не было предложено ни новых идей, ни планов законотворчества по национальным проблемам. Председатель Совета министров В.Н.Коковцов, объявляя принципами государственности «единство и нераздельность империи, первенство в ней русской народности и веры православной», добавил при этом, «что под сенью русского двуглавого орла достаточно простора для спокойной жизни всех народностей»⁵⁷. Депутаты от нерусских народов не увидели в этом заявлении признаков изменения правительственной политики и продолжали выступать за национальное равноправие. Тактика национальных фракций (Польское коло, Белорусско-литовско-польская группа, Мусульманская фракция) оставалась прежней – активное участие в обсуждении правительственных законопроектов (и так называемой «законодательной вермишели») для выдвижения национальных и региональных проблем, а также внесение собственных законодательных предположений, поддержка законопроектов оппозиционных фракций и использование права запросов. Национальные фракции нередко блокировались при голосованиях и внесении запросов.

Обстоятельная критика правительственного курса в национальном вопросе разворачивалась при обсуждении смет ключевых министерств и ведомств. Дважды в дискуссиях по сметам Министерства народного просвещения Мусульманская фракция излагала развернутую программу по развитию образования мусульманских народов России. По-прежнему на первом плане оставался польский вопрос, продолжал подниматься еврейский вопрос, острее и чаще звучал мусульманский вопрос, жесткая полемика обозначилась по украинской («малороссийской») проблеме.

Большую часть думских вопросов, касавшихся этноконфессиональных и региональных проблем, IV Дума получила «в наследство» от III Думы. Среди них внесенный еще во II Думу комплекс вероисповедальных правительственных законопроектов, пять из которых в конечном итоге были взяты Министерством внутренних дел обратно, другие застряли в комиссиях, а принятыми и утвержденными стали лишь два (об узаконении браков старообрядцев, сектантов, а также о браках лиц, ранее числящихся православными). Депутат от русского населения Закавказья, социал-демократ, молоканин М.И.Скобелев назвал их «законодательной

---

⁵⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия I.– СПб., 1913. Ч.1.– Стб. 261.

вермишелью» и заменившими собою «действительное осуществление свободы совести полностью»⁵⁸.

Вновь, как и в III Думе, рассматривался вопрос о городском управлении в Польше. IV Дума приняла самые умеренные положения об употреблении польского языка в муниципальной практике, но Госсовет отверг как эти положения, так и весь законопроект.

Депутаты от окраинных многонациональных губерний востока страны в своих запросах и выступлениях добивались введения в Сибири земского самоуправления и восстановления думского представительства так называемых «инородцев» Средней Азии, Казахстана и Якутии, которого те были лишены третьиенюньским избирательным законом. Наибольшую активность в отстаивании интересов народов, не имевших думского представительства, проявила Мусульманская фракция и левые депутаты окраинных регионов (Кавказа и Сибири). Мусульманская фракция продолжала последовательно выступать против обвинений национального движения в панисламизме.

Сибирский депутат Н.В.Некрасов, отстаивая идеи децентрализации, отмечал, что «в централистом государстве центральные палаты не могут с достаточной полнотой обслужить интересы всех частей государства» тем более, что после 1907 г. «вся Сибирь представляется 14 депутатами»⁵⁹.

В думских запросах Польского коло, Белорусско-литовско-польской группы, Мусульманской фракции выдвигались требования свободного использования национальных языков и национальной культуры, устранения национального и религиозного неравноправия. Но эти требования игнорировались властью и консерваторами в Думе.

Своеобразным водоразделом думской, как и всей российской истории, явилась Первая мировая война. Нарастание международной конфликтности и проблема разделенных народов (особенно Западного края и Кавказа) отразились в думских дебатах накануне мировой войны. Так, выступая против поданного в 1914 году запроса о попытке МВД помешать празднованию столетия со дня рождения Т.Шевченко, лидер Киевского клуба русских националистов депутат А.И.Савенко доказывал, что «в ряду вопросов окраинных, терзающих Россию, и быть может, роковых в жизни Российской империи украинский является самым страшным», а украинское

---

⁵⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия I.—СПб., 1913. Ч.2.— Стб. 567.

⁵⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия I.—СПб., 1913. Ч.1.— Стб. 639, 640.

национальное движение представляет угрозу единству и целостности империи⁶⁰.

Хотя после объявления войны видные деятели всех национальных фракций и представители нерусских народов приграничья декларировали свою поддержку российской армии и верховной власти, уже в первых выступлениях национальных депутатов выражалась надежда на решение национальных вопросов. Особое место заняла проблема разделенной между воюющими странами Польши. Прежние этноконфессиональные проблемы дополнились новыми национальными фобиями и конфликтами («борьба против немецкого засилия», высылки евреев из прифронтовой полосы, преследования украинской печати, курс на русификацию в Галиции, погромы мусульман в тылу Кавказского фронта, подавление массовых восстаний в Казахстане и в Средней Азии). В июне 1915 года председатель мусульманской фракции К.-М.Б.Тевкелев внес в Думу совместное заявление латышских, литовских, эстонских, армянских, еврейских и мусульманских депутатов с требованием «отмены в законодательном порядке всех ограничительных законов, связанных с вероисповеданием или национальностью»⁶¹. Законодательное предположение о снятии правовых ограничений для поляков выдвинули Польское коло и Белорусско-польско-литовская группа. Член Думы от Ковенской губернии Ф.Рачковский признал, что в условиях тяжелой войны отмена ограничений поляков, касающихся языка, прав на государственную службу и землевладение представляет собой «историческую необходимость»⁶². Обещанное правительством в ходе войны разрешение вопроса о польской автономии не было реализовано. Когда осенью 1916 года стало известно об объявлении Германией «независимости» Царства Польского, депутат Я.Гарусевич (Ломжинская губерния) во внеочередном заявлении Польского коло признал, что «роковое молчание правительства в польском вопросе было использовано нашим общим врагом...»⁶³.

Имперское и национальное до последних дней IV Думы (25 февраля 1917 г. был объявлен перерыв в ее занятиях) жестко противостояли друг другу, даже умеренные предложения думских национальных фракций не находили реализации, что неминуемо расшатывало устои империи.

⁶⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. – СПб., 1914. Ч.2. – Стб. 932, 927.

⁶¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. – Пг., 1916. – Стб.187.

⁶² Там же. – Стб.3385.

⁶³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. – Пг., 1916. – Стб.8.

Стремление власти к сохранению, а тем более усилению имперского начала в политической жизни страны, ослабляло парламентаризм. Проводя имперскую политику, Дума (начиная с III созыва) из фактора консолидации демократического движения различных наций все более стала превращаться в фактор разъединения общества по национальному принципу, что приводило к катастрофическому углублению конфликтов и кризиса сразу в нескольких политических и социокультурных системах: власть – общество, центр – регионы, Дума – правительство, русские – инородцы, православные – иноверцы, коренные жители – переселенцы и других. В то же время нахождение в Думе разнонаправленных политических и этнорегиональных сил способствовало кристаллизации противоборствующих общественных позиций, открывало новые возможности для их парламентской презентации, а также для овладения навыками как парламентской борьбы, так и политического диалога.

Сделанный в кризисном 1905 году под всеобщим напором народов Российской империи первый шаг к разделению власти и созданию законодательной Государственной думы мог бы открыть путь к демократизации и децентрализации и, тем самым, начать новую главу истории, положив первые камни в фундамент правового многонационального государства. Вынужденные начать преобразования, властные структуры сначала демонстрировали хроническое отставание нормативно-правового реформирования этноконфессиональных и региональных компонентов политической системы, а затем избрали тактику затормаживания и даже свертывания реформ. Эта политика выразилась в разгоне Думы первого и второго созывов и в изменении избирательного закона, особенно в части представительства национальных окраин. Пагубным для реформаторов оказались их непоследовательность и отрыв реформ в экономике от социальных, политических и национально-конфессиональных преобразований. При этом имперская власть стремилась ограничить и противопоставить идеи горизонтальной (разделения властей) и вертикальной (центр-регионы) децентрализации.

Отсутствие реальных реформаторских шагов в области национальных отношений, слабость и нерешительность российских эволюционистов опосредствованно укрепляли позиции крайних политических сил: правых – консервативно-охранительных, левых – радикально-революционистских, а также национально-сепаратистских.

Нежелание аристократической элиты и самого монарха поделиться бременем «шапки Мономаха» с многонациональным обществом, самоуверенная претензия власти на владение монопольной истиной привели первый «конституционный эксперимент» в России к неудаче, а саму политическую систему, отвергавшую идеи национально-конфессионального равноправия, а тем более самоопределения народов, к её краху в огне ожесточенных революций и классовых битв. Важнейшими линиями разлома

«единой и неделимой» империи неминуемо становились этнорегиональные границы.

Тем не менее, с появлением Государственной думы, с развитием думской политической практики, социально-политическая жизнь страны необратимо приобретала новые, достаточно четко выраженные этноконфессиональное и региональное измерения.

В заключении подводятся основные итоги работы.

Основные положения и выводы диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Монографии:

Циунчук Р.А. От имени пролетариата: историография истории большевистской думской тактики в 1905-1907 гг. / Циунчук Р.А. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 125 с.

Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. / Циунчук Р.А. – Казань: Изд-во «Фэн», 2004. – 416 с.

Коллективные монографии:

В становлении и борьбе против самодержавия. / Циунчук Р.А. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990. – С.145-159.

Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / Циунчук Р.А. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2004. – С.167-198.

Статья, опубликованная в центральной печати:

Циунчук Р.А. Государственная дума имперской России: проявление этноконфессиональных интересов и формирование новых национальных политических элит / Циунчук Р.А. // Исторические записки. 4 (122). – М.: Наука, 2001. – С.-192-254.

Статьи:

Циунчук Р.А. Зачем нам думский опыт? ... / Циунчук Р.А. // Панорама. – 1990. №2. – Казань. – С.13-23.

Циунчук Р.А. Петр Столыпин: У меня лично надежд на Думу мало... / Циунчук Р.А. // Панорама. – 1991. №9. – Казань. – С. 35-51.

Циунчук Р.А. Выборы в I Думу по донесениям В.А.Дмитриева-Мамонова С.Ю.Витте / Циунчук Р.А. // Источниковедение XX столетия. Сб. матер. конфер. – М.: РГГУ, 1993 – С.104-106.

Циунчук Р.А. Идеи федерализма в российском политическом процессе (XIX – начало XX вв.) / Циунчук Р.А. // Федерализм - глобальные и российские измерения. Матер. междунар. конфер. – Казань: Госсовет Татарстана, 1993. – С.104-108.

Циунчук Р.А. Парламентаризм в России: опыт политической культуры / Циунчук Р.А. // Россия в новое время: выбор пути исторического развития. Матер. межвуз. научн. конфер. – М.: РГГУ, 1994. – С.107-110.

Циунчук Р.А. Российская модель парламентаризма (1905-1917 гг.) в отечественной историографии / Циунчук Р.А. // Историческая наука в меняющемся мире. Сб. матер. междунар. конфер. – Вып.2. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1994.– С.107-109.

Циунчук Р.А. Культура парламентаризма и многопартийности в России: традиции и современность / Циунчук Р.А. // Духовная культура: идеи, история, реальность. Сб. статей. – Казань, 1994.– С.32-34.

Циунчук Р.А. Федерализм в России: исторические предпосылки и особенности генезиса / Циунчук Р.А. // Федерализм: проблемы формирования. Сб. статей. – Казань, 1994.– С.72-78.

Циунчук Р.А. Государственная дума в российском политическом процессе: проблемы историографии / Циунчук Р.А. // Россия в XX веке: судьбы исторической науки.– М: Наука, 1996.– С.186-196.

Циунчук Р.А. Российский парламентаризм на пороге XXI века / Циунчук Р.А. // Народы Содружества Независимых Государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Матер. междунар. конгр. – СПб.: Петрополис, 1996.– С.54-56.

Циунчук Р.А. Российский федерализм: истоки, генезис, исторический опыт. / Циунчук Р.А. // Современный федерализм: опыт и перспективы. Матер. Российско-Канадской конфер. – Казань: Госсовет Республики Татарстан, 1996. – С.135-141.

Циунчук Р.А. Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной думе 1906-1917 гг. / Циунчук Р.А. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). Сб. статей.– М: МОНФ, 1997.– С.176-223.

Циунчук Р.А. Имперское и национальное в думской модели российского парламентаризма / Циунчук Р.А. // Kazan, Moscow, St.Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire – Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. Междунар. сб.статей. – М.: О.Г.И., 1997.– С.83-105.

Циунчук Р.А. Государственность Татарстана и традиции народного представительства / Циунчук Р.А. // Государственность Республики Татарстан и современность. Матер.республ. конфер. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – С.46-49.

Циунчук Р.А. Политическая культура России начала XX века: историографические подходы, основная проблематика и задачи / Циунчук Р.А. // Гуманитарное знание в системах политики и культуры. Сб.статей. – Казань: Унипресс, 2000. – С.192-194.

Циунчук Р.А. Парламентаризм в Татарстане: история и современность / Циунчук Р.А. // Ученые записки Казанского финансово-экономического института. – Т.16. – Казань: КФЭИ, 2001.– С.22-28.

Циунчук Р.А. Российская империя как система "центр-регионы": генезис, развитие, кризис / Циунчук Р.А. // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. Сб.статей. – Серия "Новая перспектива". Вып. XX. – М.:МОНФ, 2001.– С.126-144 .

Циунчук Р.А. Презентация этноконфессиональных и региональных интересов в политических программах и предвыборных платформах партий и общественно-политических объединений Российской империи 1905-1912 гг. / Циунчук Р.А. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М.:МОНФ, 2001. – С.288-316.

Циунчук Р.А. Идея народного представительства в российской политической науке и общественном движении XIX – начала XX веков / Циунчук Р.А. // Сб. научн. трудов аспирантов и докторантов КГФЭИ. Вып.2. – Казань: КГФЭИ, 2002.– С.30-51.

Циунчук Р.А. Г.С.Бадамшин / Циунчук Р.А.// Татарская энциклопедия, в 5-ти томах / – Казань:Институт Татарской Энциклопедии, 2002.–Т.1; А-В.– С.270.

Циунчук Р.А. Н.П. Брюханов / Циунчук Р.А.// Татарская энциклопедия, в 5-ти томах / – Казань: Институт Татарской Энциклопедии, 2002.–Т.1; А-В.–С. 465.

Циунчук Р.А. Российский парламентаризм начала XX века в отечественной историографии / Циунчук Р.А. // Историки в поиске новых смыслов. Сб.статей. – Казань: Новое знание, 2003. – С.339-347.

Коллективные учебные пособия:

Федерализм: проблемы формирования. Лекционный спецкурс. / Циунчук Р.А. – Казань, 1997. – С.38-68.